

АЛЕКС КАМА
МИРЫ И ИСТОРИИ

КНИГА ПЯТАЯ
ЭКЗАМЕН

Алекс Кама
Миры и истории.
Экзамен. Книга пятая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73385638

ISBN 9785006927575

Аннотация

Вам знакомо чувство, когда вы, поставив на карту всё, что у вас было – от любви до самой жизни – преодолели огромный путь и... победили, но оказалось, что главные трудности ещё даже не начинались? Враг на поле боя не так опасен, как тот, о котором ты даже не подразумеваешь. Потому что на самом деле зло никуда не уходит, оно меняет обличье и ждёт своего часа, чтобы вернуться туда, откуда его изгнали в надежде построить лучший мир, потому что ему нужно совсем другое...

Содержание

Алекс Кама	5
Миры и истории. Экзамен Книга 5	6
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	69
Глава 6	85
Глава 7	97
Глава 8	113
Глава 9	131
Глава 10	149
Глава 11	165
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Миры и истории. Экзамен. Книга пятая

Алекс Кама

Иллюстратор Маргарита Безручко

© Алекс Кама, 2026

© Маргарита Безручко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-2757-5 (т. 5)

ISBN 978-5-0060-6094-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алекс Кама

Миры и истории. Экзамен Книга 5

Вам знакомо чувство, когда вы, поставив на карту всё, что у вас было – от любви до самой жизни – преодолели огромный, полный приключений путь и... победили, но оказалось, что главные трудности для вас ещё даже не начинались?

Потому что выиграть у темноты иногда бывает недостаточно.

Потому что враг на поле боя не так опасен, как тот, о котором ты даже не подразумеваешь.

Потому что у любой победы есть особенности и оттенки.

Потому что на самом деле зло никогда никуда не уходит, оно просто меняет обличье и просто ждёт своего часа, чтобы вернуться туда, откуда вы его изгнали в надежде построить лучший мир, потому что ему нужно совсем другое.

А ещё потому, что власть победителя – фантастическая привилегия, но и страшное испытание, выдержать которое будет непросто даже Денису, магу четырёх стихий. Тому, кто бесстрашно противостоял абсолютному злу, зная, что отступить некуда – ведь за спиной у него оставались все цветные миры и все их обитатели.

Но теперь мир принадлежит победителю – и только ему решать, что с этим делать.

Новые приключения Дениса, Леры, Пузатого, Барса, Амины, Папы Енота, Дим Шилыча, Лины, Апштейна начинают-

ся прямо сейчас...

Глава 1

Издержки таланта

– Это даже неинтересно, – Кермиан сжал скрещенные на груди руки так крепко, что на его пальцах проявились вздувшиеся вены.

По выражению его лица я не мог определить, что он имеет в виду. А если недоволен, то чем? Я же с первой попытки создал водопад размером с три Ниагары! В точности как он велел! Да и до этого все три недели теории и сразу после неё практики по магии воды ни разу не накосячил. Но он всегда злился! Даже Арэйс в наши худшие дни на старте обучения боевым искусствам был со мной намного приветливее!

Я наконец тоже вышел из себя и по-ребячьи мстительно велел водопаду рассеяться во все стороны на миллиарды хрустальных брызг, которыми, как я и хотел, окатло Кермиана. Он сначала зажмурил глаза, потом невозмутимо и очень живописно сплюнул ровной струёй через левое плечо попавшую ему в рот воду, медленно разжал руки, пригладил, отжав, волосы и шерсть, похожие в этот момент на тающие сосульки, почти по-собачьи отряхнулся, потряс головой и как-то саркастично произнёс:

– Молодец!

– Кхрррррбра! – возмущённо пробухтел Митро и уже тише добавил: – Пфыр-фыр!

На него тоже попало, что ли? Я перевёл взгляд на мячик – действительно, с его разгневанной мордашки стекали ручьи.

– Извини, – шепнул я ему одними губами, на что он демонстративно плюнул в мою сторону.

Вышло не так красиво, как у Кермиана.

– Давайте я снова попро... – обратился я к наставнику.

– Нет! – оборвал он мой порыв сделать новый водопад, ещё больше. – На сегодня достаточно.

– У нас ещё есть время.

– Не в этом дело, – он вздохнул и сделал ко мне два шага.

Чётко ровно два, с ритмичными хлюпами в ботинках. Потом посмотрел на свои ноги в облепивших их мокрых штанинах и сказал:

– Денис, дело не в тебе. Вернее, в тебе, но...

Тут я решил, что надо бы исправить то, что я натворил. В конце концов, это вопрос уважения.

Коротким заклинанием в собственной голове за две секунды я высушил штаны, рубашку, обувь, волосы и шкуру Кермиана. Но это его, снова бросившего короткий взгляд на свою одежду, словно чтобы удостовериться в её сухости, казалось, озадачило и расстроило ещё больше.

– Я вообще не представляю, зачем тебя ко мне отправили.

– Учиться, но Вы...

– Я знаю. Проблема в том, что я будто учу тебя тому, что ты интуитивно и так знаешь. Ты... как давно готовый маг, который зачем-то изображает из себя академикуса. Лю-

бую задачу ты решаешь так, словно тебе на это не требуется усилий. Вспомни: в первый же день я только начал объяснять тебе алгоритм заклинаний на искусственные волны, а ты за несколько минут, даже глазом не моргнув, наворотил бриз, прилив и три идеальных шторма! Ещё и зевнул напоказ, как будто нет ничего проще.

Я что, серьёзно зевал на первом занятии? Быть не может! Или может? Но... Ну нет!

Хотя в любом случае он прав, признался я сам себе и кивнул, глядя наставнику в глаза, чтобы он видел, что я его понимаю.

На самом деле понимал я не до конца, но действительно с некоторых пор стал чувствовать, что магичу, прикладывая всё меньше и меньше усилий, а иногда даже, как Ветроша, обхожусь вообще без них, заставляя стихии делать то, что мне нужно. Лишь подумаю – и вот оно, моментально сбывается. Иногда с перебором. Однажды у меня на занятии вместо маленького извержения вулкана получился эффект примерно трёх Везувиев, а в другой раз я умудрился поджечь море целиком, когда Фарро, мой наставник магии огня, велел всего лишь создать огненную стену перед дрейфующими лодками условного противника.

Фарро в таких случаях помогал мне максимально быстро ликвидировать ущерб, после чего всегда цедил: «В себя поверил, рукошлёп?» – и на неделю отправлял в учебный класс переслушивать теорию, зная, что её, в отличие от практики,

я люто ненавижу.

Как-то я выдал ему, что логики в таком наказании нет. Если ошибка в практике, какой смысл повторять не её, а то, что я и так давно наизусть знаю?

– А мне тебя за ошибки награждать, что ли? – отрезал Фарро.

– Вам сложно объяснить?

Он немного подумал, а затем ответил:

– Ты расслабился. Перестал стараться, потому что и так всё получается.

У тебя талант, но это плохо. Когда нет усилий, уходит и желание рассчитывать силу удара. А в нашем деле пережечь так же плохо, как недожечь. Представь, если бы в тех лодках кто-то был?

– Ну и что мне делать? В пятьсот семьдесят шестой раз слушать одни и те же лекции?

– Подумать о том, что ты не всемогущий, – нахмурившись, бросил Фарро.

Я искренне старался, каждый раз чётко для себя формулируя, какого эффекта хочу добиться. Но ощущение, что мне больше не надо напрягаться ради магии, потому что я – это уже магия, не уходило.

Но если с воздухом и даже огнём это, наверное, оправдано – в конце концов, я осваивал эти магии больше трёх лет и продолжаю ими заниматься, оттачивая мастерство до автоматизма: абсолютно каждый день, без выходных и празд-

ников, то на занятия по магии воды я хожу меньше месяца. И каждый раз ловлю себя на мысли, что будто когда-то знал всё, что слышу, а сейчас просто вспоминаю и так же просто это делаю, удивляясь, как и почему это происходит.

Кермиан – мой наставник на факультете магии воды. Уроженец планеты Анаа, расположенной на задворках Красного мира, холодной, не особо приятной для жизни и населённой лисами.

Кермиан – лис. Причём он и его соплеменники давно могли перебраться в более комфортный мир, но наотрез отказались от предложения Королей забрать себе солнечную и изумрудно-зелёную – даже из космоса – планету Жёлтого мира Гилу.

– Представляешь, они заявили Оранжевому Королю: «Наш некрасивый дом никому, кроме нас, не нужен, поэтому мы в нём и останемся», – как-то, ещё во время нашей общей миссии на Орте, рассказала мне Мара, добавив: – Но, если подумать, это очень мудро.

Кермиан, как и весь его народ, любит землю. Народ на Анаа даже жилища строит под землёй. Это мне тоже рассказала Мара.

А ещё лисы по-настоящему ненавидят воду, но, по иронии судьбы, именно её магия когда-то выбрала его, Кермиана. Он едва не сбежал из академии, услышав об этом после инициации. Но в итоге стал одним из сильнейших магов воды за всю историю академии и единственным в этой стихии

магом-лисом.

А теперь он учит других подчинять себе эту невероятную стихию, которая – сама жизнь, хотя и уничтожить может всё, что угодно.

Кстати, каждый раз, когда я видел Кермиана рядом с Митро, а мячик часто прикатывался посмотреть, как мы работаем, и вёл себя во время занятий обычно тихо, то просто не мог не вспоминать терийскую сказку о колобке и еле сдерживался, чтобы не начать хихикать, представляя Митро сидящим на носу у лиса.

Как рассказал мне Эилиль, до встречи со мной в академикусов-универсалов Кермиан не верил в принципе, считая меня дутой звездой академии, к тому же слишком много себе позволяющей. Хотя с Митро, из-за которого я, как считается, перевернул порядок на Атласе с ног на голову, он всегда здоровался очень тепло. Но даже отзываю Тоута и Фарро о моих успехах Кермиан не верил, в истории с Ветрошей подозревал какое-то жульничество, искренне не понимая, почему эврола у меня так и не отобрали, а мой триумф на соревнованиях на Кубок Ветра обозвал «постановкой». Но всё же подчинился приказу Лиганта обучать меня магии воды, резко заявив прямо в моём присутствии, что я для неё не гожусь, а теперь, кажется, сам не понимал, чем он может меня, такого «негодного», удивить и озадачить.

– Он меня с самого первого дня терпеть не может! Не понимаю, чем он недоволен? – жаловался я Митро, когда мы

возвращались по тропе с побережья, где я практиковался создавать бризы, приливы, водопады и формировать, а затем останавливать цунами. – Если у меня всё получается, он же может записать себе это в актив, типа он классный маг-преподаватель...

– Он классный маг-преподаватель! – сказал Митро худшее из того, что мог выдать в этот момент.

– Ну а я классный академикус! Ты водопад-то видел? А он опять только хмурится и злится.

– Ты просто талантливый, а это вообще не твоя заслуга, – сумничал Митро.

– Допустим, так. А почему талант вдруг стал проблемой? Талант – отличная штука. Бери и пользуйся. Лучше, если бы я был необучаем?

– Как ты не понимаешь? – мячик затормозил так резко, что накатился на собственные нос и рот, поэтому сначала отплевался от песка и лишь потом повернулся ко мне и пояснил: – Ему с тобой неинтересно! – тут он сморщился, смачно чихнул и снова сплюнул песочек. – Он тратит время на того, кому это не нужно, когда мог бы заниматься с теми, кого есть чему учить!

Философ нашёлся на мою голову.

– Меня есть чему учить!

– А я бы тоже решил, что ты жульничаешь!

Неожиданно.

– С чего вдруг? Я просто хорошо работаю.

– Помнишь, ты рассказывал мне о теннисе? – уточнил Митро. – Ещё ржал, что мячики в этой игре – вылитые я. Но только мелкие, мохнатые затрёпыши, размером с яйцо.

– Извини, я не хотел...

– Хотел-хотел! – перебил он меня. – Я даже потом выяснил, что такое затрёпыши! Но сейчас не об этом. Представь, что тебе дали спарринг-партнёра, которого ты якобы должен научить играть в теннис. А потом представь, что после пары убогих подач этот якобы новичок лепит тебе в лоб сильнейшим эйсом!

А потом ещё раз! И ещё! И ещё... Эйс-эйс-эйс-эйс-эйс-эйс – гейм! Гейм-гейм-гейм-гейм-гейм-гейм – матч! А дальше ты, неудачник, его типа ещё чему-то учить должен.

Митро замолчал, выжидающе поглядывая на меня.

– Теперь понял? – если бы у него были ноги, он в этот момент, наверное, топнул бы одной из них.

– Понял, – со вздохом подтвердил я.

Объяснил он, надо признать, отлично.

– Я тебе про эйсы с геймами разве рассказывал?

– Про эйсы и геймы я спросил у Тоута. Он мне их даже показал.

Ни часа без сюрпризов. Мой Митро братается и проводит время с моими наставниками, которые меня за его очеловечивание чуть не выгнали из академии, а теперь, судя по всему, уже считают за равного! Впрочем, я ведь тоже.

– Ладно, и что мне теперь делать?

– Чтобы Кермиан обрадовался? – со смешком уточнил Митро. – С водой ты его уже не проведёшь, поэтому накосячь хотя бы на занятиях по магии земли, когда тебя на них отправят. Тогда он поймёт, что ты всё-таки бездарь, врун, болтун и позор академии, как он с самого начала и думал.

...Судя по реакции Эилиля, когда я попросил его прийти к фонтану с драконом и задал вопрос, откуда из меня прёт интуитивное понимание магии воды и её скоростное освоение, его это совсем не удивило.

– Да, Кермиан говорил, что ты... аномалия.

– А он не говорил, что пытался меня выгнать? Заявил тут, что не будет со мной заниматься?

Эилиль улыбнулся.

– Ну а ты что?

– Сказал ему, что будет. Он ответил, что нет. Я снова сказал, что будет. Он – что нет. Я...

– Это я понял. Ближе к развязке, пожалуйста.

– Ну я сказал ему, что будет по-моему, что не надо забывать: я териец, а значит, очень настойчив и очень упрям.

– Всё?

– Нет. Он ещё сказал: «Пошёл вон».

Я замолчал. Эилиль вскинул брови:

– Ну а ты?

– А я ответил, что останусь и следующего урока подожду у него под дверью.

Эилиль расхохотался, а потом, отсмеявшись, сказал:

– Теперь понятно, как ты его достал. А если серьёзно, мы уже думали о твоём феномене. С магией воздуха ты провозился очень долго. С огнём, как ни странно, учитывая его опасность, дело пошло гораздо быстрее. Ну а в магии воды ты просто вундеркинд. Видимо, это как с изучением языков: чем больше ты их знаешь, тем легче даются следующие. После двенадцатого на изучение нового наречия с нуля я стал тратить максимум месяц, хотя до этого на каждый уходили годы. А после двухсотого вообще хватает одной недели. А то и меньше. Так что очень хорошо, что ты ускорился. Надеюсь, с магией земли у тебя получится ещё лучше. Мирам уже сейчас жизненно нужны сильные маги, как можно больше и как можно быстрее, или нам в конце концов придётся...

– Подождите! Вы же гоните? Неделя на язык?

– Гоню, – кивнул Эилиль, демонстративно вздохнув и поморщив нос: мой жаргон не переставал раздражать его даже через три года. – Беррианский я выучил за два дня, но это было...

– Два дня? Издеваетесь? – тут меня словно кольнуло, когда я осознал, что он ещё сказал. – Стоп, что значит «после двухсотого»? Вы знаете двести языков? Или ещё больше?

– А ты только это услышал? – как-то печально спросил Эилиль, но ответа словно не ждал. – Нет, не двести, примерно... – тут он замолчал, задумался, почесал бровь, закусил губу.

Дальше минут десять он не произносил ни звука, словно

застыв во внутренних раздумьях.

– Так сколько? – не выдержал я.

Он отмахнулся:

– Подожди. Я считаю.

Я выдержал ещё пять минут этой молчанки, а потом позвал:

– Эилиль!

– Ну... Семьдесят три тысячи. Примерно. Ты меня сбил со счёта.

Меня эта цифра так ошеломила, особенно, когда я вдруг понял: Эилиль говорит абсолютно серьёзно, и я ему верю, что я зачем-то уточнил:

– А это Вы посчитали с наречием кукусиков?

– Нет, – задумчиво покачал головой Эилиль. – Тогда ещё больше. Кукусиков я не посчитал. Как почему-то и все языки Тери. У кукусиков, кстати, семь диалектов.

Семь диалектов? У этих полоумных крысят?

Но ладно крысята. Он, правда, знает все языки Тери? Моей Тери?

А, впрочем, чего я удивляюсь? Я же живу среди магов. Надо будет потом выяснить, смогу ли я стать тем, кто тоже знает тысячи языков. Но это потом, когда я сдам экзамены и стану...

Стоп, а кем я стану?

– Эилиль, кстати, я уже видел, как выгоняют из академии. Но никто ни разу не сказал мне, как, собственно, заслужить

диплом.

– Диплом? – брови наставника взлетели вверх.

На его лице было написано такое удивление, словно я спросил: «Можно ли вспотеть в воде?» или «Верите ли вы в инопланетян?»

– Ну да. Документ об окончании учёбы.

– А он тебе нужен? – вопрос был задан таким тоном, что я сам себя застеснялся.

Действительно, куда его предъявлять?

Но я решил не сдаваться. Поджал губы и неопределённо пожал плечами. Дескать, вы дайте диплом, а уж я знаю, куда его пристроить.

– Хорошо, – Эилиль улыбнулся, словно понял, какие мысли крутятся у меня в голове. – А ты разве ещё не понял, что обучение для мага не заканчивается никогда?

– Понял, но... Какой-то уровень знаний и навыков должен быть зафиксирован.

– Чтобы что? – наставник продолжал улыбаться.

– Не знаю, – я снова пожал плечами. – Ну, то есть и экзаменов никаких не будет?

– Вообще-то ты их постоянно сдаёшь. Своими поступками, каждым личным выбором... Тебе мало? Порой ты ставишь нас в тупик, когда делаешь что-то такое, что невозможно оценить по принятой шкале. Когда, например, ты очеловечил проводника. Или заступился за инделианцев. Сам этого не чувствуешь? Что ты то и дело выходишь за рамки при-

вычного порядка и того, что принято считать правильным. С одной стороны, это наравне с твоим даром делает тебя уникальным. Ты хороший... териец. Потому что, даже нарушая правила, поступаешь по-доброму. Но, с другой стороны, таким своим поведением ты закладываешь предпосылки к бардаку. Каждый может решить: с какой стати ему можно, а мне нельзя? Кто-то ещё начнёт делать, что его левая нога захочет. А вдруг этот кто-то не будет обладать твоими моральными принципами? А вдруг этих кого-то будет много? Или слишком много?

– Я отвечаю только за себя, – нервно буркнул я, понимая в душе правоту Эилиля.

– Не только. Ты отвечаешь за все свои решения. И их последствия. Будь то проводник, решивший, что он равен не только людям, но и Королям, или инделианцы, за которых ты так благородно вступился после выходки Мискайта. Забыл? Но, допустим, лично ты отвечаешь только за себя. Ладно. Однако те, кто создали это место, наблюдают за мирами, думают вообще обо всех, для них каждый выход за рамки – угроза миру и порядку. Именно поэтому ты хорош, но ты хорош с оговорками.

– Пожалуй, – согласился я.

Действительно, анархисты – это беда.

– Но, Эилиль, финальный экзамен, подтверждающий квалификацию, должен же быть?

– Конечно. Если тебе так нужно зафиксировать этот мо-

мент, то битва за спасение миров пойдёт?

– В смысле? Замоchu я тёмных или нет?

– Мочи, конечно. Лей на них всю воду цветных миров. Ни в чём себе не отказывай.

– Издеваетесь?

– Немного. Разбавляю иронией твой жаргон.

– То есть и потом ничего не закончится? Будут и другие экзамены? – предположил я.

– Да ты начинаешь просекать, – улыбнулся наставник.

– Это и пугает, – пошутил я. – Элиль, но так-то я здесь за советом.

– Уверен, что это хорошая идея? – уголки его губ дрогнули.

– А почему нет?

– Потому что иногда у меня чувство юмора намного сильнее чувства жалости.

– Ну нет! Вы меня любите! – сказал я, не успев толком подумать.

Но наставника это, казалось, даже позабавило.

– Тем более, если так оно и есть. Никогда не лезь с советами к тем, кого ты по-настоящему любишь.

– Из-за риска поругаться?

– Нет. Каждый должен лопухнуться самостоятельно.

– Лопухнуться? – удивился я. – А меня за «офигеть» чморите?

– А я никогда не говорил тебе: «Делай, как я», – медленно

произнёс Эилиль. – Ладно. Когда у тебя такой взгляд, ты либо уже что-то придумал, либо тебе что-то нужно. Отпуск вне плана, свидание с девушкой, доступ в королевскую библиотеку, вернуть из дворца Митро... Но точно не совет. Так что?

– Вы офигеете! – выпалил я, а наставник поморщился. – Простите! Но после «лопухнутья»... – Эилиль ещё и нахмурился. – Ну, хорошо. В общем, если Вы мне не поможете, если не скажете, что делать, она никогда не будет со мной разговаривать, отречётся от меня и заявит, что я ей больше не друг и не внук!

– Хорошенькое начало, – усмехнулся наставник, и его лицо почему-то сразу разгладилось, просияло и подобрело. – Так чего желает прекрасная Стелла?

...Несколько месяцев назад дома, на Терири, кое-что изменилось: делать вид, что я там живу и учусь, стало намного проще. Я – а на самом деле мой двойник – окончил девятый класс и заявил родителям, что хочу учиться в одном из IT-колледжей Санкт-Петербурга.

Конечно, мама была против, но, как всегда, на помощь пришла Стелла, согласившись прикрывать очередное враньё и предупреждать, когда родители соберутся навестить меня в чужом городе, чтобы я успевал вовремя туда телепортироваться и увидеться с ними вместо Дэнни. А он, судя по всему, искренне обрадовался возможности начать жить своей жизнью и больше не изображать из себя меня.

– Я рада за него, – призналась, узнав обо всём, Лера. – Он

так счастлив и, кажется, скучать по нам точно не планирует. Это даже обидно.

– Вы теперь должны мне! Оба! – заявила Стелла в тот последний раз, когда мы встречались втроём прямо перед отъездом Дэнни.

– Конечно, – тут же решил выслужиться мой двойник. – Только скажите, что мне для Вас сделать?

Но Стелла отмахнулась от него:

– Расплату для тебя, котёнок, я ещё не придумала.

А для меня, получается, придумала... Я попытался отшутиться:

– Только не говори, что я буду всю жизнь магичить на самомытьё твоей посуды!

– А, кстати, будешь, – весело подтвердила Стелла, – и на самостирку носков, и на самоглажку белья, и на самополировку мебели, и на самопылесосание с пола... В общем, на всё! А то я всегда, когда в доме беспорядок, беру в руки веник и думаю, что лучше: убраться или улететь? – тут она, прежде чем продолжить, вдруг закусил губки и накрутила на палец один из разноцветных дредов.

Она волнуется? Моя Стелла волнуется?..

Надо отдать ей должное – волновалась она не сильно и не долго, потому что решительно заявила:

– Но именно сейчас, Гарри Поттер без палочки, я хочу нечто другое.

Сердце у меня гулко ухнуло и полетело куда-то из груди

в район пяток, потому что я догадался, что она скажет, ещё до того, как она произнесла это вслух:

– Я наконец хочу своими глазами увидеть цветные миры!

Глава 2

Ученик эльфа

– Из того, что я о ней слышал, удивляет лишь одно: как долго она ждала с этой просьбой! – сказал Эилиль, когда я в деталях рассказал ему, чего конкретно требует «прекрасная Стелла».

– А это не просьба, – пояснил я скорбным тоном формата «знаю, что это наглость, но что я могу поделаться-то?» – Она строит всех, до кого может добраться.

– Ну и замечательно, – наставник улыбнулся. – Хорошую, умную, красивую, справедливую и отважную женщину нужно слушаться, – тут он улыбнулся ещё шире, до ямочек на щеках. – Долше проживёшь. И, что ещё важнее, приятнее.

Я не понимал в этот момент, шутит он или говорит всерьёз. Но он развеял мои сомнения:

– Ни о чём не переживай. Это я улажу. Но есть кое-что ещё...

– То есть ей разрешат?..

– Безусловно, разрешат. Но сейчас послушай меня внимательно, не перебивая.

Я жестом показал ему: «Рот на замке».

– Поскольку ты приятно удивил Кермиана... Вернее, очень неприятно, – Эилиль подавил смешок. – Он действи-

тельно заявил, что ему нечему тебя учить.

Я открыл было рот, чтобы возразить.

– Знаю-знаю! Я же сказал: «Послушай!» Ты по-прежнему будешь ходить к нему на занятия и оттачивать мастерство мага воды. Но с завтрашнего дня в твоём расписании появятся ещё и занятия по магии земли.

Я ожидал этого, но всё равно по всему телу побежали мурашки, от волнения, такие, когда и радостно, и одновременно страшно.

Получается, я действительно стану первым в истории магом четырёх стихий! А учитывая, что скорость усвоения материала у меня растёт так, что наставники в шоке, это может произойти буквально через пару недель!

Элиль тем временем наблюдал за моей реакцией и, кажется, понимал, какие мысли пляшут у меня в голове.

– Смотри не лопни от самодовольства, – сказал он сдержанно.

– Не лопну, – пообещал я. – А-а-а...

– Я тебе сообщу.

– Но...

Я проговорил уже в пустоту. Наставник исчез. Порази-тельно, даже научившись проделывать такой же финт, я не могу перестать удивляться тому, как это возможно.

...На следующее утро я проснулся ещё до будильника, сполз с кровати и на цыпочках прошёл в ванную, стараясь не шуметь, чтобы раньше времени не разбудить сопящего

на все апартаменты Ветрошу. Но обнаружил на диване ещё и Митро, который весь предыдущий день где-то бродил и, очевидно, прикатился только ночью, завалившись прямо под бок пернатому.

Позднее, когда я уже поедал на завтрак свой омлет, а Ветроша сосредоточенно клевал хлопья, которые Митро, изо всех сил округляя щёки, пытался выдуть из его чашки, на стекле окна появилось расписание. Как и сказал Эилиль, там, кроме практики боя, магии огня и поединка с орками в ментальном мире, значились занятия по магии земли.

– Кхрррррбра! – первым удивился Митро. – Сморкач выходит на новый уровень!

– Митро, скажи, – я подцепил на вилку очередной кусочек омлета, но сразу не отправил его в рот, – даже если я стану самым сильным магом всех миров, для которого не будет ничего невозможного, магом, который будет сдвигать планеты с орбит и поворачивать время вспять, ты и тогда будешь называть меня сморкачом?

– Да-а-а-а-а! – умильно протянул мячик, растянув ротик по центру круглой мордашки, а потом ещё и смешливо чихнул, брызнув слюнями в Ветрошу.

Пернатый этого не стерпел и дунул в чашку с хлопьями так, что они взмыли вверх, а затем приземлились прямо на макушку Митро, осыпаясь с неё по всему периметру.

Детский сад!

Я проглотил очередной кусок омлета, подумав о том, что

надо бы Тригу сказать о моём новом... предмете. А заодно, может, расспросить его, как вести себя с наставником. Кстати, а кто там вообще наставник?

– Митро, а ты когда-нибудь был на факультете магии земли? Кто там главный?

– Медер! – с готовностью отрапортовал Митро.
Что?!

Тот самый Медер, который на инициации вообще выступал против моего присутствия в академии? Да по сравнению с ним Кермиан – плюшевый мишка и любящий крёстный!

Но испугаться как следует я не успел.

– Но он тебя учить не будет, – добавил мячик. – Даже Лигант не смог его уговорить. Ты его бесишь. Никогда ему не нравился.

– Вот спасибо! Умеешь ободрить.

– А кто тебе ещё правду скажет? – нахмурился Митро. – Только я.

Пернатый кивнул и, поскольку хлопьев в чашке больше не было, а со стола их подбирать не царское дело, сунул клюв в мой омлет.

– Но ты не переживай, он вообще терийцев не любит. Так что тебе достанется либо Преа, либо Акер. У них сейчас всего по два академикуса.

У остальных – по пять и больше.

– И кто они такие? Преа и Акер?

Митро задумался.

– Маги...

– Он не о том спросил, – кваркнул Ветроша. – Он хочет знать, чего от них ждать, – тут он хихикнул. – Ему интересно, будут ли они милыми. Он их боится!

– Не боюсь, – возразил я, – но...

– Боишься-боишься! – перебил меня Митро. – Кермиан тебя параноиком сделал. Ха! Но лучше бы ты Арэйса с Глассом боялся, вот кто страшные-то!

– А они тебя любят!

– Ну ещё бы! – мячик даже немного раздулся вширь. – Я головастый, храбрый, находчивый, смешной и симпатичный!

– Точно, – с серьёзной миной подтвердил я, подмигнув хихикнувшему в крыло Ветроше.

Митро этого, к счастью, не заметил.

...На первое занятие на факультет магии земли я пришёл за час до назначенного времени. Специально вышел заранее, чтобы не опоздать, даже если по пути придётся реанимировать толпу кукусику.

Факультет оказался тёмным, даже по виду тяжеловесным зданием, с толстыми стенами, узкими окнами с яркими витражами, огромными колоннами вдоль всего фасада и скошенной блестящей, переливавшейся на солнце красной крышей. Было в нём при всей его мрачности что-то надёжное и... Уютное?

Ждать часа икс я устроился на крыльце: сел по-турецки

и попытался развлечь себя плетением косички из крохотных смерчей, которые закрутил на ладони, надеясь этим отвлечься от мыслей о том, на кого будет больше похож характер мой новый наставник. На добряка Фарро или всё-таки на злюку Кермиана? Хоть садись и молись, чтобы на первого.

Косичка из смерчей удалась, а вот успокоиться никак не получалось: сердце колотилось как бешеное, а руки дрожали, от чего мои мини-торнадо на ладони колотились будто в пульсирующем приступе.

«Тебе не стыдно, терийский ты обмылок? – вдруг раздался у меня в голове весёлый голос Трига. – Я только что узнал!»

«Прости, – мысленно ответил я. – Хотел рассказать вам ещё на Орте, но не знал, кому из вас можно доверять...»

«Ясное дело! Мы всего лишь планету вместе спасали. Это же не повод для знакомства, да? – сыронизировал Триг. – Ладно, шучу. Просто дико завидую».

Я не знал, что ответить на это. Чему тут завидовать? Повышенным обязательствам?

«Говорят, ты первый в истории, кто умудрился освоить целых три магии. Маги двух стихий – такое уже случалось. А вот трёх и тем более четырёх – не было никогда. Это очень круто!»

– Совсем не круто, – вдруг раздалось у меня одновременно и в голове, и в реальности. За спиной.

Косичка из смерчей развалилась в тот момент, когда я

вздогнул и обернулся.

Медер!

Рядом с ним стоял невысокий, длинноволосый, остроухий, с очень бледной кожей и хрупкий как девушка... Эльф?

Кого-кого, а эльфа я точно не ожидал увидеть.

А я даже не слышал, как они подошли! Хорош маг.

«Триг, прости, тут у меня...»

«Знаю-знаю, это же он через мою голову в наш разговор влез...»

– Триг, пошёл вон! – резко приказал Медер.

– Да, наставник. Момент. Но почему не круто-то?

– Потому что это груз, большой и тяжёлый, который он не дотащит. А теперь катись отсюда.

«Удачи!» – шепнул Триг в моей голове и, не дожидаясь ответа, пропал, будто отключился, нажав кнопку.

– Денис с Тери, знакомься. Это Акер, – Медер сердито и нервно кивнул на эльфа, стоящего рядом с ним, пока тот внимательно и вполне дружелюбно меня рассматривал. – Он будет твоим проводником по магии земли. Надеюсь, ты оправдаешь хотя бы половину ожиданий, – прозвучало это так, что могло относиться и ко мне, и к Акеру.

А потом проделал любимый фокус местных магов: за секунду растворился в воздухе, не попрощавшись. Акера это ничуть не смутило.

– За мной! – кивнул эльф, направив меня бледной рукой

с тонкими, как у пианиста, пальцами к входу в здание.

Просить себя дважды я не заставил.

– На самом деле он очень надеется, что ты облажаешься, – с усмешкой добавил Акер, когда мы уже поднимались по лестнице в библиотеку факультета.

– Да, мне сказали, он ненавидит терийцев.

– Дело совсем не в этом. Хотя, наверное, ненавидит. Но дело не в этом. Садись, – наверху Акер снова вытянул руку, указав на два объёмных кресла-мешка, брошенных прямо между стеллажами с книгами, и сам уселся на ближайшее.

Лицо его стало серьёзным.

– Ты хотя бы раз встречал на Атласе мага двух стихий? Или слышал о таком?

– Не припоминаю...

– А они были. Семеро.

– Ого. И куда подевались?

Акер помолчал, будто подбирая слова, а потом сказал:

– Эмигрировали. Выражаясь вашим, терийским языком.

В Тёмном мире им предложили контракты посолиднее.

– Подождите... – я не мог поверить своим ушам. – То есть я правильно услышал: все воспитанные в академии маги двух стихий переметнулись к врагам цветных миров?

– Похоже на закономерность, верно?

– Но... А почему они так поступили?

– Они не оставили прощальных записок, – в голосе Акера прозвучал сарказм.

– И Медер боится, что я...

– Боится не только Медер. Но это мы с тобой ещё обсудим. Как-нибудь потом. А сейчас давай-ка работать. Для начала скажи мне, что ты знаешь о земле?

Вопрос, невзирая на кажущуюся простоту, на минуту вогнал меня в ступор. Тем более, мысли о магах-дезертирах отказывались вылетать из головы, мешая нормально думать о настоящей цели занятия.

– Ну, это песок...

Брови Акера взлетели вверх:

– Ух ты! Ещё умные мысли будут?

– Нашу Терию мы, её жители, называем Землёй, – зачем-то сказал я. – Она – наш дом.

– Уже лучше, – мягко, почти шёпотом, произнёс наставник. – Дом – это сила и надёжность. Так должно быть, если вы вкладываете в это понятие то же, что и мы. Ты готов поверить, что земля – самая сильная из стихий?

– А это так? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

– Ты мне скажи, если в её основе честный, бескорыстный и добрый энергообмен. Именно земля приводит к балансу все остальные стихии. И их магии. Она же питает их и всех, кто живёт. У тех существ, которых вы называете злыми, стремящимися только брать у других, есть что-то вроде болезни – лютый голод земли. И наоборот, если живому существу хочется помогать, дарить, заботиться – даже о тех, кого оно толком не знает – энергии земли в нём очень много.

Голод земли? Что он вообще несёт?

– Обо всех заботиться, по-моему, никакой энергии не хватает, – вставил я.

– Формулировка слишком упрощённая, но, по сути, верно. Если ты даёшь много, а тебе в ответ – ничего, это опустошает. И вопрос времени, когда ты перестанешь бороться за жизнь и начнёшь просто жалеть себя. Но это, если ты... обычный.

– Акер, простите!..

Эльф выжидающе посмотрел на меня.

– К чему вся эта психофилософская мутотень? И с воздухом, и с водой мы с наставниками разбирали их химический состав, а с огнём...

– Мутотень? – на лице Акера появилось странное выражение.

– Я не хотел грубить... Но смысл...

– Я пытаюсь объяснить тебе, что магом земли ты станешь только тогда, когда не будешь зависеть от проявлений других людей и их энергообмена. Понимаешь? Ты должен быть здесь, – он показал сначала на свою голову, а потом на грудь, – и здесь полностью независимым. Ото всего.

– Никого не любить, что ли?

– Совсем не то. Любимые, наоборот, – стимул для пробуждения этой энергии, потому что только им мы готовы отдавать всё, надеясь, конечно, на отклик, но не требуя его взамен. Я говорю о том, что ты должен быть ресурсным для се-

бя в любой ситуации. Независимо от того, хорошо тебе, плохо ли, кто вокруг тебя и что происходит. Тебя же учили брать энергию из окружающего мира?

Я пытался осмыслить, что это значит и к чему он ведёт. И Акер пояснил:

– А теперь представь, что и она тебе не нужна. Что ты сам как... – он задумался.

– Атомная станция? – попытался я подсказать.

– Интересная метафора, – Акер кивнул. – Сойдёт. Так вот, если ты научишься этому, то станешь магом, можно сказать, с вечным двигателем внутри, который никогда не устает, сколько бы сил ни потратил. Причём в теории это касается всех четырёх магий.

– В теории? – уточнил я.

– В теории. Проверить это мы сможем только на тебе. Если, конечно, ты не смоешься следом за злобной семёркой.

Слова о злобной семёрке я решил оставить без комментариев. Хотя они меня немного выбесили. Кто-то нагрешил, а подозреваемый я?

– Триг не говорил, что маги земли никогда не устают.

– Триг и не должен был ничего говорить.

– Вы, правда, никогда не устаёте?

Акер неопределённо пожал плечами.

– А мы можем сегодня попробовать что-нибудь намагичить?

– Торопишься, – усмехнулся наставник.

– Ну... Я вундеркинд. Магия воздуха давалась тяжело. С огнём получилось быстрее. А с водой...

– Знаю. Кермиан рвёт и мечет, что ты придуриваешься и тратишь его время. Ну, давай попробуем. Может, и я тебе не нужен. Но лично я этому буду только рад, – он махнул рукой. – Начинай.

– Здесь? – удивился я.

– А что тебя смущает? Ты же талант! Единственный в своём роде! И не можешь намагичить паршивую трясину на паркете?

– Я бы начал с чего-то простого, – я решил не отвечать на его иронию.

– Например?

Я вздохнул. Откуда мне знать, что тут просто? Но не трясина на паркете, точно.

– Скажем, поднять комок грязи с газона силой мысли и пульнуть на несколько метров. Или создать небольшую песчаную бурьку...

– Забавно. Тогда пошли на улицу, – Акер встал с кресла. – Покажешь мне свою летающую грязь с газона и, конечно, бурьку.

– Можно сначала спрошу кое о чём? – я тоже поднялся.

– Рассказать тебе о химическом составе земли?

– Не-е-е. Это я погуглю, – я не обратил внимания на его недоумённо округлившиеся глаза. – Я очень удивился, когда увидел Вас здесь. Не понимаю, почему Вы в магии земли?

– А где мне быть?

– Ну Вы же... Вы...

Я вдруг забыл это слово. В голове вертелось лишь неуместное «ушастый».

Брови Акера вопросительно поднялись вверх.

– Вы эльф, – наконец вспомнил я нужное определение. – А эльфы, они как кружево! Тонкие, нежные, почти прозрачные... То есть Вы как кружево. Поэтому Вам воздух подходит. Почему Вы не выбрали магию воздуха? Ну или воды?

– Внешность очень часто бывает обманчивой, – Акер улыбнулся и вздохнул. – Ты не знал? Но я не выбирал. Никто из нас не выбирает.

Глава 3

Маг. Но пока не совсем настоящий

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Даже не сразу понял, что произошло. Сначала был удар, словно мне прямо в нос зарядили большим резиновым мешочком, а затем – песок на зубах и разом ослепшие и зачесавшиеся глаза.

Я начал тереть их руками и отплёвываться, когда услышал спокойный голос Акера:

– Что ты делаешь?

Точно! Чего я их тру-то? Я же маг!

Я убрал руки от лица и, стараясь не шуриться, шёпотом проговорил заклинание на чистое тело. Через секунду песок будто рассеялся.

Я снова стал видеть хорошо, хотя, очевидно, ободрать глаза всё же успел: они продолжали пощипывать, из-за чего я часто моргал и, кажется, немного плакал. А во рту, там уже не было ни песчинки, по-прежнему чувствовался привкус земли.

Надо отдать должное Акеру, он не рассмеялся. Наоборот, даже нахмурился как-то сочувствующе, расстроено и озабоченно.

– Как в анекдоте, – буркнул я. – Маг дунул, плюнул, в итоге волк одеревенел, свин остекленел, медведь окаменел...

– А маг? – усмехнулся наставник.

– А маг офигел! – я почесал кончик носа. – Что это было?

– Ты мне скажи.

– Я просто хотел поднять комок грунта с газона и пульнуть...

– Ты пульнул. Получилось эффектно, – говоря это, эльф нахмурился ещё больше. – Но вряд ли ты планировал пульнуть его себе в голову. Повторять будешь?

– Вы издеваетесь?

– Чуть-чуть.

– А я всё же попробую!

Меня охватила такая азартная злость, что я даже не стал дожидаться согласия наставника. Напрягся всеми своими внутренностями – сердцем, головой, животом, чего в своей магической практике давно уже не делал, и...

И скорость реакции Акера меня потрясла. Он так резко пригнулся именно в тот момент, когда лепёшка грунта, отскочив от газона, полетела напрямик в его голову, что я дар речи потерял. Понимал, что надо извиниться, но ни слова произнести не мог, лишь растерянно глотал воздух какое-то время и, судя по ощущению горящих щёк, краснел.

Наставник медленно выпрямился. Посмотрел, где приземлилась лепёшка, а потом повернулся ко мне с вопросом:

– Бурьку пробовать будешь?

Его ирония ничуть меня не задела. Он имел на неё полное право.

– Не надо бы, конечно. Но я хочу понять... Это случай-

ность, – я кивнул на ком грязи за спиной Акера, – или со мной что-то не так?

– А сам-то как думаешь?

Я потёр свои горящие щёки, пожал плечами и вздохнул.

– Надеюсь, что случайность. Но предчувствие паршивое.

– Не стоит сразу сдаваться. Возможно, ты привык, что у тебя всё получается вот так, – тут он звонко щёлкнул пальцами, очень земным жестом, – и просто на этот раз не приложил достаточно усилий.

– Поверьте мне, – признался я, – я их прикладывал.

...Предчувствие не обмануло. С песчаной бурькой вышло ещё большее фиаско. Я хотел сделать её совсем крохотной и слегка ударить по каменному основанию миниатюрного фонтана. В реальности куча песка взлетела с газона, со скоростью урагана рассеялась в огромное облако, а затем засыпала всю площадку перед факультетом, накрыв и нас с Акером. Увернуться на этот раз даже наставник не успел.

Следующие несколько минут мы оба трясли волосами, рукавами, штанинами, пытаюсь избавиться хотя бы от части песка, который набился нам во все складки и поры. Потом вертелись юлой, оценивая ущерб засыпанным землёй газонам, кустам, скамейкам у тропинок и тому самому фонтанчику, мраморная ажурная чаша которого превратилась в неопрятный тазик с пульсирующей по центру грязью.

Я виновато посмотрел на Акера, который в этот момент тряс головой, засунув палец в своё изящное остренькое ухо,

и шурился. У него и в ушах, что ли, песок? Позорище какое!

– Простите...

– А ведь у меня была мысль, как только ты начнёшь, сразу телепортироваться. Надо начинать прислушиваться к интуиции.

– Простите!

Акер вытащил мизинец, потрянул головой и занялся вторым ушком.

– Да я быстро всё испра...

– Не-е-е-т!

Он заорал это так, что я аж подскочил от испуга. Даже не думал, что из такого хрупкого тела может выходить такой злой трубный звук!

– Да, давай, исправь всё! – наставник оставил свои уши в покое и встал руки в боки, всей позой выражая крайнюю воинственность. – Оторви мне уши! Набей рот грязью! Разнеси в щепки факультет! Разрушь мой дом! Завали грязью весь Атлас вместе с Королями! Ну а потом как следует сосредоточься и спихни с орбиты пару планет!

– Я вообще-то расстроился, – надулся я.

– Знаю, – неожиданно мягко сказал Акер, резко опустил руки и как-то сдулся, а затем засунул мизинец обратно в своё остренькое ушко, забавно прищурился и снова потрянул головой.

Тут раздалось возмущённое:

– Во что это вы тут играли без меня?

Митро подкатился незаметно. Пока мы с наставником соображали, что ему ответить, мячик спросил:

– А Медер уже видел эту помойку?

– Здравствуй, Митро! – приветливо кивнул ему Акер и вернулся к чесанию своего уха. – Пффф. Чувствую себя шелудивым шакалом...

– Значит, не видел... – выражение лица у мячика в этот момент было хитрым и игривым одновременно. – А как вы вообще так нашалопенили-то?

– Мы?! Конкретно это была, – наставник обвёл рукой всё видимое пространство, – экспериментальная маленькая бурька от твоего терийца.

– Сморкач крут, – закатился в весёлом ржании Митро, а просмеявшись, спросил: – А немаленькая бурька будет?

– Не сегодня. Кстати, это он ещё от трясины отказался, – с улыбкой добавил Акер.

– Слабак, – объявил Митро. – А убирать всё это тоже он будет?

– Нет, – Акер наконец оставил попытки вычистить песок из ушей и ласково посмотрел мячику в глаза. – Ты.

– Я-а-а-а? – тягуче переспросил Митро и после паузы осознания сказанного, поняв шутку, весело заржал.

А когда отсмеялся, сказал:

– Нам с ним, наверное, пора когти рвать? Или вы всё-таки трясиину доделаете?

– Уходите, – разрешил Акер. – Денис, до следующей на-

шей встречи изучи, пожалуйста, почвоведение.

– Понял, принял! – я чувствовал себя настолько неловко, что просто не знал, что ещё сказать.

– И очень тебя прошу...

– Никаких бурек, – поспешил я его заверить, сразу поняв, что он хочет сказать.

– А трясинок? – Митро врезал мне по ноге, а потом откатился и снова врезал. – А ямок? А землянок?

– Митро! – выдохнул я. – Я понимаю, что ты не можешь...

– Не свисти! – перебил меня Митро и снова с наката треснул по лодыжке. – Я всё могу!

– Класс. А молчать можешь?

– Всё могу! – радостно проорал Митро. – А молчать не могу!

...Мой провал очень меня напрягал, так что, дождавшись первого же перерыва между занятиями по магии огня и истории миров, я плюнул на время обеда и сразу отправился в ментальный мир, чтобы как следует заняться изучением почвоведения и геологии. Честно говоря, меня даже потряхивало от нетерпения. И да, я всё ещё надеялся, что эпизод с комком грязи и маленькой бурькой был случайностью.

Но, оказавшись на учебной поляне, наставника я вызвал не сразу. Задумался: может, стоило сначала попробовать что-то намагичить в ментальном мире, а не вообразить, что мне и так всё по силам? Ведь начиная осваивать магию воздуха и огня, я тренировался сначала «в виртуале». С другой

стороны, с водой у меня всё стало получаться без экстерна в учебном классе...

Так!

Акеру я обещал пока не магичить. Но речь ведь шла о реальном мире?

Или он имел в виду и то, и это?

Нет. Навредить я могу только в реальности. Про ментальный мир он ничего не говорил. Или всё же подразумевал и его?

Так я сомневался и сам с собой спорил какое-то время, пока порыв: «Надо попробовать!» – не победил.

Что именно попробовать? У Трига на Орте вроде с зыбучими песками эффектно получилось. Или это всё-таки была трясина?

Я не стал действовать в Ветрошином стиле, полюбившемся мне с огнём и водой: просто отпустить желание в пространство и любоваться на результат.

Решил всё сделать по старинке: приложить усилия. Закрыв глаза и представил, будто внутри меня вулкан, но наружу он выбрасывает не лаву, а энергию, которая создаёт зыбучие пески прямо перед моим шалашом...

Что всё опять пошло не так, я почувствовал ещё до того, как успел открыть глаза. По шумящим и гудящим звукам вокруг меня, не предвещающим ничего хорошего.

И верно: шалаш разнесло в клочья и завалило какими-то чёрными комками глины, ну а вместо зыбучих песков

по всей поляне были раскиданы странноватые грязные, похожие на блины, камни. Мне даже не пришлось вглядываться в них внимательно, чтобы понять, что это и не камни во все – запах достиг моего носа очень быстро и не оставил места сомнениям. Всё выглядело так, будто на моей учебной поляне отпаслись сотни коров с несварением желудка.

Получилось даже хуже, чем на первом уроке у Акера!

Хорошо, что никто этого не видит. Но только я об этом подумал...

«Развлёкся?» – голос в моей голове прозвучал так неожиданно, что я машинально прокрутился вокруг себя, чтобы кого-нибудь увидеть.

Но, конечно, вокруг не было ни души.

Это был только голос. Девичий. Совсем молодой.

– Ты кто? – я задал этот вопрос раньше, чем успел подумать о неподобающей, даже хамоватой форме такого обращения.

– Луа, наставник. Почвоведение. Ты же ради него сюда пришёл? – голос смягчился, будто его обладательница в этот момент улыбнулась. – Интересно?

– Нет, – честно признался я. – Но, похоже, без него мне не обойтись. Простите за обращение на «ты». Я только собирался Вас позвать. А Вы уже тут. Я пока в ауте...

– Я бы тоже была в ауте, если бы завалила свой учебный класс кучей коровьего навоза, – Луа хихикнула.

– Это так весело? – от запаха у меня даже глаза заслези-

лись.

– А нет? – она вздохнула. – Акеру расскажу, ему понравится.

– Лучше уж сразу Медеру, – мрачно пошутил я. – И Королям. Они вообще оборжуются.

– Зачёт! – рассмеялась Луа. – Ладно, извини. Я постараюсь больше не смеяться. А что ты пытался создать?

– Пески. Зыбучие...

– О-о-о... Почти получилось, – тут она снова усмехнулась. – Ладно, больше не буду подкалывать, клянусь. Я здесь не для этого. Сразу скажу: тебе не нужно становиться специалистом по почвам, но понимать, как они образуются, не помешает. Начнём?

– Сейчас? Здесь? Среди навоза?

– Ну, я-то не здесь. Или отложить хочешь?

Я промолчал. Среди навоза заниматься не хотелось. Но и снова магичить, чтобы исправить ситуацию, я пока боялся. Понимал, что всё и всегда можно сделать хуже, чем оно есть, как говорит Стелла.

– Жгите, – ляпнул я.

Но тут же поправился:

– То есть можем начинать.

– Что ты знаешь о почве, Денис? – просить себя дважды Луа не заставила.

– А что о ней знать? Земля и земля. Состоит из песка, – тут я спохватился. – И удобрений, наверное.

– Почва состоит из трёх частей. Первая – твёрдая. Это разрушенные горные породы и гумус.

– Серьёзно? Гумус? То есть навоз? Тогда я, получается, на верном пути? – решил я пошутить. – Гумуса у меня хоть завались.

– Почти, – ответила Луа, и по её голосу можно было понять, что она снова улыбается. – А ты молодец! Ценю академикусов с самоиронией. Но, нет, не совсем. Гумус должен быть как следует перегнившим. То, что у тебя на поляне, это пока просто навоз. Но давай продолжим. Вторая часть почвы – жидкая. Это вода с растворёнными в ней веществами, заполняющая поры между теми самыми твёрдыми частицами. Третья часть – газообразная. Это почвенный воздух, и он тоже заполняет пустоты между твёрдыми частицами.

– А всякие муравьи, жуки и червяки?

– Умница! – обрадовалась наставница. – Живые организмы в почве – тоже её часть. Но это не только животные и насекомые. Корни растений, бактерии, лишайники, грибы... Весь этот «салат» из органики – это и есть почва. Элемент, который фактически объединяет все остальные, понимаешь? Основа всего живого.

– Тогда почему магии разделяют?

– Извини? – переспросила наставница.

– Ну, почему магов на Атласе учат быть единоличниками? Никому не доверять, ничего не говорить, помнить, что кругом враги... Не совсем так, конечно, но смысл понятен.

Ты маг, значит, надеешься только на себя. Хотя если действовать вместе, вообще-то получается неплохо. Мы на Орте с ребятами классно отработали. Когда доверились друг другу.

– Но могло быть и по-другому? – лукаво переспросила Луа.

– Могло, – признал я. – Сначала-то мы друг друга козлами считали.

– Кем-кем?

– Ну... Это жаргон. На Терии есть такие животные. Тупые, с рогами, бородами, жёстким мехом, противным голосом и очень вредным характером. Козы. Вот их самцов называют козлами.

– Сногшибательная история, – усмехнулась Луа. – Но, по-моему, ты на такого козла не похож.

– Ребята поначалу с Вами бы поспорили...

– Хорошо. Но потенциал объединения магий и командной игры магов тебе всё-таки лучше обсудить с Эилилем. А по земле неужели больше нет вопросов?

– Есть. Какой станет почва в конкретной местности, зависит от климата?

– И снова умница! – похвалила меня Луа. – От климата, рельефа, от того, какие в этой местности горные породы, от положения относительно воды: была ли когда-то эта местность под водой, от времени, конечно же... Тот же гумус не сразу становится удобрением. Да и не всякий гумус.

От хронологической последовательности образования почв и их положения в разрезе. А от тектонических процессов можно проследить вообще всю историю развития органического мира на любой из обитаемых планет, включая, кстати, вашу Терию.

– Получается, земля – это вообще всё, что перемешивалось и разлагалось веками, – решил я блеснуть интеллектом. – Камни, кости, деревяшки, пепел, умершие жуки и червяки, лишайники, грибы, остатки гнилой растительности...

– По сути, верно, – согласилась наставница. – Но грубовато. Для характеристики элемента, являющегося основой жизни, звучит очень некрасиво.

– А это важно: красиво ли?

– Пока не знаю, – Луа, кажется, снова улыбнулась. – Но, может быть, земле не хватило как раз твоего уважения, чтобы так же легко, как вода, начать тебе подчиняться? Вот она и устроила тебе фейерверк из навоза.

– Я уважаю землю. У Стеллы спросите. Это моя бабушка. У неё есть теория, что Терия – у нас её называют Земля – это живой организм. А все природные катастрофы – ураганы, цунами, извержения, землетрясения и прочие кошмары – это её реакция на то, как мы над ней издеваемся...

– А вы издеваетесь?

– Ещё как. Бурим, копаем, рушим целые экосистемы, чтобы доставать

из-под земли полезные ископаемые... Да и не полез-

ные, по-моему, тоже. Всю планету уже изгваздали. Изгваздали – это...

– Я поняла, – тут же перебила Луа. – Ты не отвлекайся от сути. Мне интересно, к чему ты ведёшь. Вернее, твоя Стелла.

– Если она права и Терия живая настолько, что её можно сравнить с человеком, свином, волком, птицей или любым другим мыслящим организмом, то ей, и правда, должно быть больно. В этом случае для живого существа ударить в ответ тех, кто причиняет ей боль, вполне естественное желание. Вот она и бьёт. Катастрофами. Но я не знаю, права ли Стелла.

– А сам как думаешь? – спросила Луа, но тут же поправила. – Вернее, как бы ты хотел?

– Страшновато, если она права. Но мысль о том, что Земля живая, меня почему-то греет.

– Греет? – не поняла наставница. – Мысль?

– Ну да. Это метафора. В смысле нравится. То есть это больше, чем нравится. Но я не знаю, как ещё объяснить.

– А ради чего терийцы бурят, копают, разрушают землю?

– Да ради всего! Угля, нефти, металлов, алмазов. Мы просто такие... Потребители. Нам всегда мало шмоток и хочется ещё.

– Тебе тоже мало шмоток? – вкрадчиво спросила Луа.

– Ну нет! – я сказал это даже слишком резко. – Во-первых, у меня всегда была Стелла, которая бы меня засмеяла, по-

требуй я себе лишнего. А во-вторых, мне кажется, я вполне способен от чего-то отказаться, чтобы природы вокруг было больше. Да я даже кукустика откачивать пытался! Вы знали? Хотя на самом деле он симулировал, но это другая история... Короче, я точно не согласен на модный рюкзак из змеиной кожи, ради которого с питона заживо шкуру сняли, или на страдания ангорских кроликов, которых до крови ощипывают ради свитеров из их шёрстки.

– Терийцы такое делают? – расстроенным голосом переспросила Луа. – Ради рюкзаков и свитеров?

– И не только такое! Не все, конечно. Я не делаю. Но всё равно: раз это есть, все мы виноваты, позволяем же. А даже без страдающих змей и кроликов – кладут, например, нефтепровод через джунгли, а куда денутся все местные обезьяны, пумы, крокодилы, птицы, те же змеи? Даже трассы почему-то всегда прокладывают по путям миграции животных! Это зло.

– Но трассы нужны. Иначе придётся пожертвовать частью комфорта, разве нет? – заметила Луа.

– Да наплевать! Никакой комфорт не стоит того, чтобы отбирать пространство для жизни у других!

Когда я произнёс это, то вдруг почувствовал комок в горле. Не знаю, почему. Сам себя, что ли, растрогал? Но Луа словно знала, что я чувствую, и молчала, как бы давая мне время успокоиться.

А я, чтобы окончательно не расклеиться, решил срочно

запросить учебник почвоведения и заняться его изучением, надеясь, что это заодно даст мне время прийти в себя. При этом Луа по-прежнему молчала, но я чувствовал, что она «остаётся на связи».

– Я так понимаю, по слоям почвы, пластам планетарной коры можно изучить этапы эволюции, – как ни в чём не бывало сказал я, когда с учебником было покончено. – Но, наверное, нам не надо так глубоко копать и разбирать этот многоэтажный почвенный бутерброд?

«Копать». Тут я понял, как двусмысленно это прозвучало в свете того, что я говорил раньше.

– Нет, – откликнулась Луа. – Слишком глубоко копать пока не нужно. Вот если у тебя потом появится интерес к исторической геологии, тогда копнём.

А сейчас моя задача – просто помочь тебе понять, что такое земля и как с ней работать.

– Если действует столько факторов, то их, когда магиишь, надо учитывать?

– Безусловно.

– Тогда, если я маг земли и мне вдруг нужна трясина в горах или жидкая грязь в пустыне, я не смогу их создать?

– С чего ты так решил? Вперёд и с барабанами!

– Но это же как в магии огня с горючими материалами! Там мы используем то, что можем найти в нужном количестве для того, чтобы создать нужный эффект. Не во всём, но если нужно что-то масштабное... А когда у меня во-

круг только вязкая глина... Или камни... Или вот навоз, как здесь, то как я этот почвенный состав поменяю на то, что мне надо? Если я должен использовать только то, что есть?

– Теоретически верно. Но ты кое о чём забываешь. И, видимо, на занятиях с Фарро вы до этого пока не дошли.

– О чём я забываю?

– О том, что у тебя есть силы найти то, что тебе нужно, в любой точке пространства. Если ты этого не умеешь, то ты пока – при всех твоих талантах – не совсем настоящий маг.

Она сказала это мягко, доброжелательно и даже в какой-то степени утешающе, но моё сердце всё равно заколотилось сильнее.

– Так красиво неудачником меня ещё не называли, – сказал я, постаравшись скрыть обиду.

– Ну что ты! – сразу возразила Луа. – Ты ещё не понял, что для многих здесь ты, наоборот, воплощение надежды?

До этого момента краснеть в ментальном мире мне ещё не доводилось.

Глава 4

Спятившая магия

Что имела в виду Луа, я тогда ещё не понимал. Мы обсуждали землю на занятиях с ней и Акером, повторяя, разбирая и выворачивая на все лады почвоведение, геологию, минералологию, вулканологию, геохимию.

Время от времени у меня внутри что-то щёлкало, и мне начинало казаться, что я всё понял и что вот оно – магическое вдохновение – на подходе, что теперь-то я сделаю всё как надо!

Но нет. Вдохновение сдувалось, едва, как сказала бы Стелла, надувшись.

С землёй у меня по-прежнему ничего не получалось.

Вернее, получалось, но не так, как нужно, а если что-то должно было куда-то полететь, то летело оно прямо в противоположную от задуманного сторону. Мне в лоб, например. Вместо ямы. Или в окна... Или на цветочную клумбу...

Но хуже всего было то, что я терял уверенность в себе. Стал как автогонщик, который поломался в аварии, вылез, но вытравить из себя страх новой катастрофы не сумел.

Я стал до ужаса бояться занятий, постоянно ожидая провала. Даже когда шёл на магию трёх освоенных стихий, сомневался... А вдруг? Вдруг именно сегодня меня разобла-

чат, как неуча, бездаря и самозванца?

Хотя там я быстро приходил в себя: работать с заклинаниями огня, воды и воздуха мне почему-то было легко. Но потом шёл к Акеру – и всё начиналось сначала. Провалы и следовавшая за ними паника.

Митро, кстати, это чувствовал. Наблюдая однажды, как я собираюсь на занятие к Акеру, спросил:

– Он там в тебя огрызки, что ли, кидает, а когда ты пытаешься их поднять, даёт пинка, ругается и плюётся?

Я недоумённо посмотрел на него, и он пояснил:

– Твоё лицо. Ты будто к казни готовишься. Что, магия земли не так хороша, как ты надеялся?

– Скорее, маг облажался, – расстроено ответил я, прислушиваясь к стуку собственного сердца, которое от страха и сомнений колотилось так, что у меня даже рёбра болели. – Или никакого мага вообще не было.

– Ты бы поспал как следует. Или слопал чего-нибудь вкусное, – Митро нахмурился. – Совсем нудный стал.

...На очередном занятии я сначала немного рассердился на Акера, который после того, как я несколько раз залепил ему глиняными комками в грудь, живот и даже глаз, поставил между нами магический экран.

Но когда шматок грязи размером с шар для боулинга (хотя я задумывал создать вовсе не его, а небольшое песчаное торнадо) перелетел и эту стену, приземлившись прямо на макушку наставника так, что противная коричневая слизь по-

текла у него по щекам и ушам, поневоле подумал, что я бы на его месте меня уже выгнал. И шваброй зарядил вдогонку.

Но Акер с совершенно непроницаемым выражением лица достал из кармана что-то вроде шарфа, медленно вытер им лицо и уши и, рассеяв защитную стену, намагичил вместо неё целый купол. После чего бросил:

– Продолжай.

С какого-то момента наблюдать за моими бесконечными фиаско начал и Митро.

Когда он прикатился впервые, то бодро крикнул:

– Давай, сморкач, я в тебя верю!

Но тут же малодушно закатился под купол к Акеру.

С другой стороны, за что его винить? Если даже этот купол я умудрялся то заливать грязной жижей всех оттенков коричневого, то заваливать галькой и мусором.

– Умеееете вы развлекаться! – крикнула как-то, увидев этот грязегалькопад, проходившая мимо факультета Дейлин, моя наставница по артефактам, и на всякий случай благоразумно прибавила скорости.

Моя недомагия земли была, как дырявый башмак, из которого пальцы вываливаются. Когда на занятиях я напрягался, пытаюсь что-то создать, получалось абсолютно не то, но по пути домой после занятий я тоже не мог расслабиться, потому что любая мысль могла привести к ущербу.

Стоило подумать: «Какой красивый газон!» – и вместо газона прямо у меня на глазах образовывалось болото.

Или: «Мне надо спуститься по лестнице», и все до одной ступеньки тут же рассыпались в труху...

С генерацией хаоса напрягаться не требовалось. Спятившая магия словно лезла из меня, как переваренная в маленькой кастрюле гора каши, и насмехалась над моими планами.

Однажды я шёл с занятий, стараясь гнать из головы любые намёки на мысли, чтобы ничего ненароком по дороге не разрушить. Большую часть пути у меня это довольно успешно получалось. Но ровно до того момента, пока сбоку от тропы не запищали начавшие между собой ругаться кукусики. Видимо, на всех семи диалектах. Я и подумал-то лишь: «Да откуда они вообще повылезали?» – как зверьков накрыло невесть откуда взявшимися опилками вперемешку с дурно пахнущим грунтом. А затем ещё пластом глины сверху придавило.

Следующие три минуты я, шлёпнувшись на колени, судорожно откапывал кукусику руками, не обращая внимания на запах и пытаясь вспомнить, сколько их там вообще было. Достать-то надо всех!

Семнадцать. Их оказалось семнадцать.

Я откапывал каждого, отряхивал от земли и, убедившись, что ротик и носы у них не забиты, грудки вздымаются, что они дышат, откладывал на травку и лез руками в самую грязь за следующим грызуном.

А они даже не поняли, что это я напортачил!

– Наши розовые друзья пропищали мне очень интерес-

ную историю, – сказал мне Элиль тремя часами позже, когда по моей телепатической просьбе мы с ним встретились у фонтана с драконом, морда которого на этот раз показалась мне какой-то ехидной.

– Они всё наврали! Мелкие розовые трепозавры! – безапелляционным тоном заявил усевшийся на голове дракона Ветроша.

Он увязался за мной после того, как пошептался с Митро, с целью, как он выразился, «присмотреть за сморчком».

– Да? – спокойно спросил наставник, при этом не отводя взгляда от моего лица. – А мне они заявили, что Денис героически их спас. Но раз они наврали...

– О-у-у-у! – слегка смутился Ветроша, но ненадолго, видимо, решив, что главное в любой ситуации – это уверенность в себе. – Всё именно так и было! Он их спас!

– Всё так и было, да. А вот тебя там не было, – отбрил его Элиль. – Денис, ты сам ничего не хочешь мне рассказать?

Я прислонился к бортику чаши фонтана.

– А что рассказывать? Вы и так знаете. И ржёте, наверное, надо мной всей академией.

Наставник улыбнулся:

– Не чаще, чем раз в неделю.

– Очень смешно, – огрызнулся я. – Но с магией земли у меня реально беда. С огнём, водой всё получилось практически сразу. Но здесь... То ли какой-то иной принцип волшебства, о котором мне не рассказали, то ли на другой сто-

роне сидит поганец, который меня ненавидит и, стоит мне начать магичить, всё переворачивает с ног на голову...

– Поганец? – уточнил Эилиль.

– Враг, – пояснил я.

– Это точно поганец! – снова встрял Ветроша.

Его реплику наставник оставил без комментария, а у меня, не скрывая иронии, спросил:

– И кто, по-твоему, может быть поганцем?

Когда я сам над этим задумался, то первым, чьё имя пришло мне в голову, был Медер. Но даже самому себе я почти сразу признался, что это полный бред. Делать Медеру больше нечего, как обо мне думать.

– Эилиль, у меня ведь не просто после первого этапа стало получаться с магией, потому что я старался. Там будто внутренние резервы раскрылись. Я даже не напрягался при плетении заклинаний. Стал как Ветроша: только захочу, и всё получается...

– А у меня не всё получается! – кваркнул с макушки дракона внимательно слушавший нас Ветроша.

– А всё тебе и не надо, – отмахнулся я от него.

Меня распирало от желания высказаться наконец.

– Я сейчас, как машина, Эилиль, которая, по замыслу разработчиков, должна ездить на бензине, воде, молоке и одеколоне, а в итоге с бензином, водой и молоком проблем нет, а вот как только я переключаюсь на одеколон, у меня и стёкла вышибает, и руль гнётся, и колёса отлетают, и двери кли-

нит, и зеркала вдребезги, и радио заикается, и фары отваливаются... Фары – это фонари, – добавил я. – Они светят.

В этот самый момент грунт с травой вокруг нас вздыбился, растрескавшись наподобие кирпичей, и поднялся в воздух. Да так там и завис на уровне наших плеч дрейфующими травяными комками.

– Живописно, – тихо сказал наставник, оглядевшись вокруг, и попросил: – Опусть его обратно. Аккуратно, если можешь.

– Откуда я знаю, что могу? – я растерянно наблюдал за парящими шматками грунта и боялся пожелать чего-либо, потому что был почти уверен: ничего путного из этого не получится.

И точно: стоило мне начать магичить, тщательно подбирая слова к заклинанию, как куски земли и травы начали закручиваться вокруг своей оси, всё быстрее и быстрее...

– Валим? – немного истерично сверху предложил Ветроша.

Может, и стоило валить. Потому что следующие минуты три Эилиль только и делал, что виртуозно пригибался от летящих в его голову грунтовых кирпичей. А они, просвистев мимо, притормаживали всего в нескольких метрах и, как по команде, разворачивались обратно, снова набирая скорость.

Что бы я ни нашёптывал, мои заклинания не работали!
Точнее, работали, но... наперекосьяк.

Атака грунта прекратилась только тогда, когда я, к стыду своему, почти зарыдал от злости и отчаяния. И вот с первой – и единственной, дальше я сдержался – слезой куски земли один за другим пошлёпались вниз со смачными «плюхами». Как попало. Так что вид у поляны после этого был такой, словно вокруг фонтана варвары конницей проскакали.

– Вот это, я понимаю, помойка! – восхищённо объявил Ветроша, вертясь во все стороны с самой вершины статуи.

– Что ты обо всём этом думаешь? – спросил меня Эилиль ровным тоном, сосредоточенно отряхивая руки и одежду: на него всё-таки попали песок и пыль.

– Ничего не думаю. Я проклят Медером. Я надеялся, Вы знаете, что это за... шалопенье такое, как Митро говорит. И не пора ли мне вообще валить с Атласа, как дутому пузырю и главному разочарованию наставников.

– Митро у нас самый мощный и яркий говорун, – усмехнулся Эилиль, но через пару секунд посерьёзnel. – Если честно, я тоже пока не понимаю, что происходит. И не только я. В этом действительно нет никакой логики. Даже, – тут он снова усмехнулся, – поганец Медер так считает. Но он тебе не мешает. Это точно. А Акер всё ещё не теряет надежды.

– Зря не теряет, потому что чем чаще я лажаю, тем сильнее мандраж, а значит, выше шансы налажать снова.

– Слова ты произнёс... странные, – вздохнул Эилиль. – Но я тебя, кажется, понял.

– Что тут не понять? Если я даже Адиль боюсь брать в ру-

ки, чтобы ненароком не покалечить Ветрошу и Митро, – тут меня словно прошибло. – Эилиль, а может, Короли знают, что со мной не так?

– Нет, – задумался наставник. – Короли в этой истории, как и во всех остальных, скорее, независимые наблюдатели.

– Удобно устроились, – проворчал я. – Они бы хотели победить свою лень, но им лень. Им что, нравится наблюдать, как я Атлас дербаню?

– Дерба... Что? – удивился Эилиль.

– Разрушаю академию! Кукусиков вон чуть не прикончил!

Целых семнадцать!

– А восемнадцатого, кстати, ты не спас...

– Что-о-о?.. – внутри меня словно ледышка прокатилась от горла до самых пяток.

– Так, стоп! – Эилиль поднял руки ладонями вверх. – Я пошутил. Прости. Их было семнадцать. Постарайся держать себя в руках, ладно?

– Что мне теперь делать? – мой голос сорвался на всхлип.

– Вкалывать! – вместо Эилиля прокваркал с головы дракона Ветроша. – Тебе же не лень победить лень?

– А вот сейчас эврол прав, – поддержал его наставник. – Работать – это самое правильное.

– Эврол всегда прав! – торжественно объявил пернатый.

– Ну а смысл? – мне словно нужно было услышать от наставника, что я, несмотря ни на что, справлюсь. – Я ни одной песчинки куда надо ещё не передвинул. Зато куда не надо –

тонны перекидал! Вам тут не надоело газоны после меня ремонтировать и окна с фонтанами от грязи чистить? А если я и правда кого-нибудь угроблю?

– Ты уж постарайся без этого, – спокойно сказал Эилиль и... исчез.

Просто исчез, в очередной раз бросив меня у фонтана. Достал Хоттабыч!

– Ну а ты? – я задрал голову, чтобы увидеть Ветрошу.

Он был всё ещё наверху и внимательно на меня глазел, открывая и закрывая клювик, будто горло проветривал:

– Ты не боишься находиться рядом со мной?

– Пыррф! Я же на улице от тебя подальше держусь, – ничуть не смущаясь, утешил меня пернатый. – А дома ты не опасен.

– С чего ты так решил?

– Там ты ещё ничего не разломал!

И то верно.

...Когда я явился на очередное занятие к Акеру, меня ждал сюрприз. Под куполом наставника, бок о бок с ним, стоял Триг. Один из моих напарников по миссии на Орте, академикус магии земли, сумевший прямо в разгар боя подтопить в трясине самых настоящих, огромных ящеров, обездвигить их и тем самым спасти город. Страшно представить, что могло бы выйти, если бы на его месте был я. Трясина, наверное, по уши завалила бы всё поселение, а динозавры дотоптали бы там то, что могло ещё остаться...

Триг дружески помахал мне из-за купола. От чего мне стало ещё больше не по себе.

Я не хотел, чтобы он увидел мои косяки, и, конечно, не хотел их обсуждать – даже с ним, хотя подозревал, что о моём провале знает и сплетничает вся академия.

Акер, видя мои колебания, хлопнул в ладоши и просто сказал:

– Начинай!

– Что начинать? – спросил я раздражённо.

– Намагичь песчаную бурю. Ты помнишь заклинание на песчаную бурю?

– Я помню заклинание, – я продолжал смущаться и злиться. – А Вы-то помните, Акер, как моей последней бурей завалило всё крыльцо факультета?

– Помню, – невозмутимо ответил Акер, а потом улыбнулся и пояснил Тригу: – Крыльцо тогда завалило кучей протухшего лошадиного навоза. Не представляю, с каким из волшебных слов у Дениса не задалось... Слышал бы ты, как орал Медер!

– Представляю себе! Но навоз – отличная боевая тактика, если что, – подмигнул мне Триг. – Надо взять на вооружение. Враги захотят удрать от одного только запаха! А уж если ты замахнёшься хорошей конской лепёшкой, они единогласно сдадутся! Кстати, – он повернул голову к Акеру, – мы поэтому под куполом? Денисова навоза боимся?

– И его тоже! – улыбнулся наставник.

Похоже, никто, абсолютно никто в меня уже не верит.

...Разумеется, вместо песчаной бури я вызвал маленькое пылевое облако, почти моментально рассыпавшееся в воздухе – там же, где оно и материализовалось, и выдрал с корнями несколько деревьев в ближайшей аллее. Причём два из них перекрыли тропу. Ту самую, по которой на днях пробежала Дейлин. Ну хотя бы без навоза на этот раз обошлось.

Когда я подходил обратно к куполу, Триг, очевидно, подумал о том же:

– Так, а где навоз?

– Очень смешно, – я не смог удержаться от того, чтобы не надуться на него.

– На самом деле очень, – усмехнулся Триг. – Прости, дружище!

Когда Акер объявил, что наше занятие окончено и пошёл посмотреть, что можно сделать с загубленными деревьями, пока Медер не пришёл и «не обрадовался», мы с Тригом уселись на скамейке у факультета и минут двадцать просто молчали. Наконец он порылся за пазухой и вытащил оттуда два яблока – красное и зелёное, предложив мне выбрать одно из двух:

– Сладкое из них только одно, Ден.

Конечно, я выбрал красное. На Терию все самые сладкие яблоки красные.

Обтёр его майкой и сразу вонзил зубы в твёрдый сочный плод, в следующую секунду чуть язык не проглотив, настоль-

ко фрукт оказался кислым.

Отплевавшись, я бросил надкусанное яблоко в ближайший куст и сказал:

– Будь у меня здесь на факультете банка сгущёнки, она бы превратилась в тухлый гриб, а торт – в тазик с червяками.

Только я это сказал, мраморная ваза с цветами у входа на факультет сама по себе разлетелась вдребезги, а почва из неё рассыпалась по крыльцу, прямо на наших глазах начав трансформироваться в крохотных, жужжащих чёрных насекомых, начавших гуськом разбредаться в разные стороны.

– Ну вот! Паноптикум какой-то! – буркнул я и задрал ноги, чтобы членистоногие могли проползти мимо.

Триг лишь слегка отставил одну ступню, давая дорогу жучкам, и куснул своё зелёное яблоко, умудрившись в один хавок оттяпать от него ровно половину, после чего протянул вторую часть мне:

– На. Заешь кислятину. Это очень вкусное.

Так я и сделал. Второе яблоко действительно оказалось нереально сладким. Ещё минуту мы синхронно жевали, а потом, доев свою половину, я спросил:

– Триг, а когда ты начинал учиться, у тебя оно как было? Он пожал плечами:

– Если честно, нормально. Даже легко. Хотя стоило перестараться, когда у меня ещё силы нормальной не было, потом по неделе отлёживался и отъедался. А я через день тогда умудрялся перестараться. Не умел ещё восстанавливаться.

– А сейчас умеешь?

Он пожал плечами:

– Оно как-то само собой выходит.

– Покажи ты мне песчаную бурьку, – попросил я.

– Сейчас? – переспросил Триг.

– Сейчас, – кивнул я. – Только останови её вовремя, чтобы она факультет не завалила.

Триг задержал на мне взгляд, но ничего не сказал. А потом прикрыл глаза и что-то – я не расслышал, что именно – быстро прошептал себе под нос.

В первую секунду после этого я подумал, что начал слепнуть из-за колющей глаза гудящей оранжевой пелены, которая скрыла из видимости и деревья, и небо, и здание факультета. Я даже Трига, сидевшего рядом, не видел – только контур его силуэта в плотном терракотовом тумане.

Длилось это всего несколько минут. А потом весь парящий в воздухе песок словно рассеялся, будто его и не было. Я провёл пальцем по скамье, затем по бордюру... Нигде ни песчинки. И небо – ясное и чистое.

– Классно, – признался я. – Ты мастер. Не знаешь, кто мои косяки убирает?

– Главным образом, – тут Триг сделал небольшую паузу, – Медер.

Что?! Медер?! То есть надежды на то, что он хоть о чём-то не знает, нет? Если он всё, что я натворил, видел и всё убрал?

Кроме разве что кукусииков, которых я сам спасал. Героически...

Но зачем ему убирать за мной? Не проще было явиться на Совет наставников и потребовать моего отчисления. Тем более он с самого начала смотрел на меня, как на моль в шкафу с шёлковыми платьями и шерстяными пиджаками.

– Ничего личного. Просто он самый сильный и быстрый на Атласе из магов земли, а ты так быстро генерируешь грязь, что справляется с этим только он, – с улыбкой пояснил Триг.

И вдруг совершенно неожиданно добавил:

– Поговори с ним, Денис. У него есть теория, что с тобой не так. И, что ещё важнее, он, кажется, знает, что можно сделать, чтобы это исправить.

Глава 5

Леденцы на качелях

Но визит к Медеру мне пришлось отложить. Причём повод был такой, что меня он и радовал, и пугал одновременно: Элиль наконец сказал, что я могу отправляться за Стеллой, всё согласовано, в цветных мирах ей будут рады.

Митро, узнав об этом, несколько раз подпрыгнул, вопя: «Йяу-йехххо!», а Ветроша, потерев лапкой поверхность подоконника, решил уточнить:

– А я ей понравлюсь?

– Да вы оба ей уже нравитесь, – улыбнулся я. – Она даже хотела забрать вас двоих к себе на Терию.

– И ты молчал? – с наигранным возмущением проорал Митро. – Сморкач эгоистичный!

Всё-таки кое-что никогда не меняется.

– Хотел ещё немного побыть её любимым внуком. Но вы с ней, безусловно, поладите, парни, – заметил я.

Ветроша тут же среагировал:

– Митро, мне показалось, он нам сейчас гадость сказал!

– Тебе не показалось, – Митро сузил глазки и сделал вид, что готовится разбежаться – видимо, для того, чтобы врезать мне макушкой в живот, а потом вдруг расслабленно откатился назад и засмеялся. – Ничего! Стелла придет, мы ему устроим!

...Перед телепортацией я задумался, надо ли рассказать обо всём Лере. Если она узнает, что я был на Земле и не познакомился с ней, то расстроится. Но, если я скажу, что заберу только Стеллу, расстроится ещё больше.

Дилемма разрешилась сама собой: когда я прибыл на место и позвонил в дверь Стеллы, открыла её Лера. Они, как я понял, до моего прихода обсуждали меня, пили клубничный лимонад из высоких стаканчиков и играли в шашки. Самые обычные шашки. Лера – белыми, Стелла, разумеется, чёрными. Она всегда, сколько я её помню, выбирала чёрные.

Увидев меня, просияли обе.

– Дени-и-и-с! – радостно пискнула Лера, бросившись мне на шею.

На душе стало ещё беспокойнее. Как сказать ей, что я совсем ненадолго? Что только за Стеллой и... сразу назад?

А вот моя бабушка, традиционно не похожая на бабушку, была верна себе:

– Надеюсь, ты явился сообщить, что твои свины, собаки, коты, маги, их Короли и вся прочая сказочная банда расстелила красную дорожку и ждёт меня в кокошниках, с цветами, оркестром и здоровым караваем?

Она стояла в позе сахарницы, уперев руки в боки, с выражением на лице: «Все, кто говорили мне „нет“, в новой жизни родятся корягами, слизнями и тараканами!»

А я тем временем захихикал, представив себе Королей в кокошниках, оркестр из кукусинок с дирижёром Митро

и Тоута с караваем.

– А правда, – Лера немного отстранилась от меня, – Стелла разрешили приехать? Что смешного-то?

Я осторожно кивнул, давая в себе веселье. Лера взвизгнула: «Ура-а-а!»

Я тут же пояснил:

– Лер, но на этот раз можно только ей... Прости!

– Ох, ну какой же ты чудак! – она обняла меня ещё крепче, чем вначале. – Я так рада за вас со Стеллой! Она должна увидеть этот мир! – и шёпотом добавила после паузы: – Твой!

От этого мне стало полегче, хотя «твой» прозвучало так, словно за этим словом стоял невысказанный вопрос: «А мне там место когда-нибудь будет? Постоянное место?»

Но единственное, что добавила Лера: попросила передать приветы и обнять при встрече свинов, Папу Енота и, конечно, Амину, Порша, Риза и особенно Барса с Линой и Ветрошу с Митро.

– Скажи им, что я очень-очень скучаю!

Вместо ответа я крепко обнял её.

...Копушей моя Стелла никогда не была. Но даже Леру она удивила, собравшись в межпланетный тур за двадцать минут.

– У меня мама в поход в магазин у дома дольше готовится.

Ещё три минуты у Стеллы ушло на то, чтобы объяснить Лере, где лежит корм для опекаемых бездомных кошек

из подвала, находятся деньги, если кошачьи запасы закончатся раньше, чем Стелла вернётся, дать инструкции, что говорить тем, кто вдруг задастся вопросом, а куда подевалась оригиналка из первого подъезда с розовыми волосами, в шортах и фенечками на руках.

Рюкзак с вещами, небольшая сумочка с косметикой – это всё, что Стелла взяла с собой на Атлас. Только я открыл рот, чтобы объяснить ей особенности телепортации, она замахала рукой:

– Не грузи меня всякой мутью! Ты у нас чародей! Это твоя забота не потерять бабку между галактиками!

– Стелла, Вы кто угодно, но только не бабка! – рассмеялась Лера.

– Знаю, милая, приличной бабки из меня никогда не получится, – весело ответила ей Стелла.

А я вдруг понял, что она... Волнуется? Когда она обняла меня за шею, я почувствовал, что её руки немного трясутся, тогда я шепнул:

– Я очень боялся, что Лера огорчится.

– Ага. И поэтому не выходил на связь несколько месяцев? – так же тихо шепнула Стелла. – Она вообще-то обиделась. Даже не хотела с тобой разговаривать.

– Тогда я правильно молчал.

– Болван! – как само собой разумеющееся объявила Стелла. – Этим ты сделал только хуже. Если бы вы, мальчишки, знали, какое это разочарование, когда ты решила его игно-

рировать, а он не зовёт, не звонит и не пишет!

– Учту! – я обхватил её за талию. – Держись крепко и не отпускай меня, пока я не скажу.

...Телепортировались мы туда, куда я и планировал: прямо в апартаменты – наши с Ветрошей и Митро, по факту отжавшими у меня уже всю гостиную. Но ни того, ни другого в этот момент дома не было.

Зато нас встретил Эилиль, рассеявшийся на диване, – с такой широкой улыбкой, какой я на его лице никогда не видел.

– Здравствуйте, Стелла, – он поднялся и слегка поклонился. – Я Эилиль. Жду Вас, чтобы сказать: – Добро пожаловать на Атлас. С любыми вопросами обращайтесь в любое время. Вы здесь – особая и очень желанная гостья.

– Здравствуйте, Эилиль, – ответила она ему с не менее сияющей улыбкой, сбросив с плеч рюкзачок и с любопытством оглядывая комнату с её панорамным окном, огромным диваном и стойкой для Адилья вместе с лежащим на ней мечом прямо по центру.

– А это что такое? – Стелла ткнула пальчиком в Адиль. – У вас же академия для добрых магов!

– Добрые маги тоже берутся за мечи, когда у них настроение паршивое. Располагайся, ба...

Я не закончил фразу, наткнувшись на сердитый взгляд своей бабушки.

– Денис всё нам о Вас рассказал! – вежливо сказал наставник.

– Да? – Стелла пожала плечиками и, перестав наконец испепелять меня взглядом за неосторожно брошенное «ба», легонько хлопнула по моей лопатке. – Тогда очень хорошо, что он обо мне и половины не знает!

Эилиль улыбнулся.

– Мы рады Вам, – просто сказал он.

Стеллу это явно тронуло.

– Я мечтала увидеть цветные миры! – призналась она. – И вас. Всех, кого мой внук так любит. Мне даже кажется, что я всех здесь уже знаю. Но у меня вопрос, – тут она повернулась ко мне: – Где мои лапочки? Когда я увижу мячика, птичку и котейку?

– Котейку? – брови Эилиля взметнулись вверх, а губы поневоле растянулись в удивлённую улыбку. – Это же не о Барсе?

– О нём, конечно! – ничуть не смутившись, заявила Стелла.

– Скоро, – улыбнулся Эилиль. – Но поверьте, познакомиться с Вами лично хочет не только он.

– Котейка, – покачал я головой, когда дверь за наставником закрылась. – Ну ты что? Ты ему при встрече ещё «кис-кис» скажи, – она на это лишь пожала плечиками. – Митро с Ветрошей ты увидишь уже сегодня, Барса – на днях. А ещё я познакомлю тебя с Егоркой, Арэйсом, Тоутом, Фарро, Акером, кукусяками...

В общем, постепенно со всеми. Но сначала я должен ула-

дить важное для меня дело. И поверь мне, лучше это не откладывать.

– Ладно, – сразу согласилась Стелла. – Я с тобой.

– А может, лучше...

– Не лучше! – жёстко отрезала моя бабушка.

– Ты бы могла править миром.

– Безусловно.

Я знал, что спорить с ней – абсолютно безыдейная история. Поэтому по пути на факультет магии земли рассказал ей всё о своих проблемах. При этом нечаянно, лишь на секунду подумав: «Какие они красивые!», разворотил большую клумбу с маргаритками, которая прямо на наших глазах превратилась в кучу песка, камней, выдернутых с корнем стеблей, на которых сидели малиновые червяки со злыми мордочками.

– Вот засада! – выругался я.

– Твоя работа? Н-да... Надеюсь, этот вредный маг действительно знает, как тебя починить, а то я тебя на Землю больше не пущу, – Стелла присела перед сваленными впере­мешку с землёй цветами и с сожалением погладила несколько загубленных бутончиков. – Простите! – говоря это, она прижала руку к груди, глядя прямо на колыхающихся на травинках червяков.

«Я так понимаю, Триг проболтался...»

Медер нашему приходу совсем не удивился.

Когда мы заявили к нему на факультет, ни у входа, ни

внутри здания не было ни души. Даже спросить, где мастер, оказалось не у кого.

Мой выкрик: «Есть кто живой?» – эхом отлетал от стен без ответа.

Но Стелла будто знала, что нужно делать. Она ткнула пальчиком в противоположную от входа стену и спросила:

– А что там?

Я пожал плечами. С той стороны здания факультета до этого момента я никогда не был.

Мы его обошли по аккуратным тропинкам, при этом я, топая, изо всех сил старался не подумать ни о чём таком, что моё магическое начало могло бы принять за заклинание – и перевернуть вверх тормашками.

И действительно на задней террасе с видом на сад сидел Медер.

Вернее, полулежал в массивном кресле-качелях, укутав ноги клетчатым пледом, грыз разноцветные леденцы из пристроенной на поручне вазочки и читал маленькую книжечку в мягком потёртом переплёте.

Выглядел он умиротворённо, как самый обычный терийский дед, отдыхающий у себя на даче. Только огорода с огурцами и укропом фоном не хватало.

– Так это он – самый страшный и грозный маг всея Земли? – спросила Стелла.

Но хотя бы сделала это шёпотом.

– Стелла, умоляю, ни слова! Он и так терпеть меня не мо-

жет!

– Его проблема, – она нахмурилась и повысила голос: – Да я ему пятки на нос натяну, будет балалайка!

– Стелла, ёлки! – взмолился я.

Медер, к моему ужасу, прекрасно нас услышал. И задал тот самый вопрос:

– Я так понимаю, Триг проболтался?

Он поправил плед у себя на коленях, аккуратно закрыл книгу, подsunул её под мышку, подпёр щёку одной рукой, уткнув её локоть в ладонь другой, и устался на нас, переводя взгляд то на меня, то на Стеллу с какой-то странной полуулыбкой.

Стелла подмигнула мне, одними губами прошептала: «Не волнуйся».

– По моему опыту, если женщина просит не волноваться, то волноваться уже поздно, – проговорил Медер. – И вряд ли из пяток получится балалайка, даже если вам каким-то чудом удастся натянуть их мне на нос.

– Простите, Медер, – я хотел исправить ситуацию. – Стелла не то хотела сказать!

– Стелла хотела сказать то, что сказала! – воинственно заявила Стелла.

– Я так и понял, – Медер вдруг похлопал рукой рядом с собой по сиденью качелей. – Вы гостя. Садитесь, угощайтесь конфетами. Они на вкус гораздо лучше, чем выглядят.

Пока Стелла пыталась решить, что ей делать – сесть рядом

с ним или продолжать свою «цыганочку с выходом»: сыпать угрозы в адрес одного из самых сильных магов Атласа – я решил пояснить:

– Триг не проболтался. Он просто сказал, что у вас есть версия, почему я...

– Почему ты что? – Медер нетерпеливо приподнял брови вверх.

– Почему я косячу. Ну, на моей магии земли.

– У тебя пока нет никакой магии земли, – оборвал меня главный маг земли в академии.

– Но он сказал «пока», – весело шепнула мне Стелла и... быстро прошла прямо к качелям.

Она уселась рядом с Медером, невозмутимо зачерпнула горсть леденцов и, отправив в рот первый, звонко им хрустнула.

Я тоже почему-то сразу заметил именно это обнадёживающее «пока».

– Наставник...

– Я тебе не наставник, – перебил меня Медер.

– Не придирайтесь! – сказав это, Стелла хрустнула очередным леденцом. – Он и так волнуется.

Странно, но эти слова неожиданно придали мне смелости и помогли избавиться от оторопи, которую Медер во мне вызывал.

– Вы наставник моего наставника. Для меня наставник в квадрате.

– Аргумент, – кивнул он, продолжая задумчиво смотреть, как я перетаптываюсь перед ним с таким видом, будто кокнул камнем окно в его доме.

Кстати, и кокнул. И не одно. Хотя и не камнями.

– А зачем плед? – вдруг спросила Стелла, по-свойски пихнув Медера локтем в бок.

– В смысле? – Медер даже растерялся от неожиданности. – У меня ноги мёрзнут.

– Но Вы – маг! Типа крутой! Без пледа лапки погреть никак? А силой мысли? Волшебной палочкой? Заклятием? Абракадаброй, тирлибomboмом, крeксом-бексом и всем таким?

– Палочки у меня нет. Абракадабра, тирлибomboмом и крeкс-бекс – неизвестные мне заклинания. А мыслями я могу сдвигать горы и поднимать в небо зыбучие пески. Но и только. Как у вас на Тeрии говорят? Сапожник без сапог? Ну вот, это я, – Медер попытался развести руки, чуть не уронив книгу из-под мышки, и вдруг потянул часть пледа в сторону Стеллы, а затем накрыл им её ноги. – На самом деле тепло не моя специализация. Это ты у нас, – он снова посмотрел на меня, – универсал.

– А знаете, что? – Стелла зачерпнула ещё конфет. – По рассказам Дениса я представляла Вас противным, как тухлая коровья лепёшка, – я вздрогнул. – Но смотрю на Вас – не похож! Я Вам валенки подарю.

– Что? Валенки?

– Да! Настоящие русские валенки. В них Ваши ноги никогда не замёрзнут.

Пауза после этой реплики затянулась на несколько минут. Я не знал, что сказать. А Медер, очевидно, переваривал услышанное и пытался сообразить, надо ли благодарить за будущие валенки, учитывая, что он даже не понимал, как это чудо терийской обувной мысли выглядит.

– Что? – Стелла оттолкнулась ногой от земли, и качели качнулись. – Что замолчали-то?

– Наставник, – начал было я, – я всё-таки...

– Я думаю, тебе не хватает энергии, – перебил меня Медер.

– Энергии?

– Да. На первые три магии хватает, а на четвёртую – нет. Поэтому, выражаясь техническим языком, получается перегруз и сбой настроек.

– Что значит нехватка энергии? Нас учат брать её из окружающего мира! И я это умею! Я постоянно беру её отовсюду!

– А внутри себя?

– Внутри? У меня там сердце, а не аккумуляторы!

– Не знаю, что такое аккумуляторы. Хотя догадываюсь. Но я действительно думаю, что проблема именно в нехватке внутренней энергии.

– Так чего сидим? Учите его эту энергию генерировать, – вставила внимательно слушавшая нас Стелла.

– Не могу.

Это признание прозвучало так неожиданно, что удивилась даже Стелла, вытаращив глаза на своего соседа по качелям, но, тем не менее, не переставая их раскачивать.

– То есть как не можете?

– Я не могу этому научить. Это всегда иррациональная, интуитивная способность. Ты должен достать, разбудить, развить её сам. Тем более если ты, – он слегка поклонился в мою сторону, – намерен стать настоящим магом четырёх стихий.

Пока я думал, как именно эта информация может мне помочь, Стелла продолжала хрустеть леденцами, которые, что характерно, в вазочке Медера заканчиваться не собирались. Решил, что никак.

– Спасибо Вам, наставник. Простите, что отнял время. Стелла, наверное, нам пора... – я изо всех сил пытался скрыть своё разочарование.

Глупо было надеяться, что маг, который выступал за то, чтобы меня здесь вообще не было, захочет мне помочь.

Стелла откинула свою часть пледа и прыгнула с качелей. При этом раздался смачный плюх, когда она приземлилась туфельками в грязь. Потому что прямо под качелями неожиданно образовалось что-то вроде болотца. Это я, что ли, сделал? Напакостил своим огорчением?

Да я же лишь подумал: «Чтобы ты провалился вместе со своими качелями»!

Но я не магичил.

– Идите, я разберусь, – насмешливо сказал Медер, поворачив носком ботинка новоиспечённую грязь.

Вот и что мне на это сказать? Спасибо?

Глупее придумать нельзя. Хожу по Атласу, как слон в посудной лавке.

Стелла отряхнула ноги, насколько это было возможно, и обняла меня, чмокнув в висок.

– Тебе нужно к котам, Денис, – вдруг добавил Медер.

– К котам? – не понял я.

– Да. Если они захотят, то помогут. У них есть... технология.

– Технология?

– Верно. Они единственные это умеют, – кивнул Медер. –

Будить спящую энергию.

– Точно? – повернулась к нему Стелла.

Медер кивнул и добавил:

– Если захотят.

– Захотят, – уверенно объявила Стелла, обняла меня ещё крепче и ехидно сказала: – Коты, в отличие от некоторых, любят моего мальчика!

А вот я не был в этом уверен. Если есть какой-то секрет, зачем им его выдавать? И хорошо ли будет, если я попрошу друзей о том, чего они сделать не могут или не хотят?

– Зови его, – ткнула меня в бок Стелла, когда мы уже топали по тропинке домой. – Прямо сейчас. Нечего откладывать. Свисти, звони, кричи, телеграмму шли... Как вы там

связываетесь?

– Телепатией. Он находится на другой планете.

– Класс. Давай, телепатуруй. Прямо сейчас!

– Стелла, я не уверен, что это хорошая идея, – я остановился.

Она тоже.

– А кому твоё мнение сейчас нужно? Ты телепатуруй и спроси. За спрос не бьют.

Она ведь не отстанет!

– Я отойду тогда?

Она махнула рукой:

– Делай, что хочешь. Но вызывай котейку! Прямо сейчас!

– Ладно, – я сделал несколько шагов в сторону от неё. –

Но жди меня здесь. Никуда не ходи. И не вздумай назвать Барса котейкой в лицо! О, а если на тропу выскочат розовые крысята, это просто кукусики. Они придурочные, но безобидные.

– Я постараюсь не заверещать! – пообещала Стелла.

«Барс», – мысленно позвал я друга.

Он не ответил. Я снова позвал. И снова. И снова...

Уже почти решил сдаться, когда он наконец отозвался:

«Здравствуй, Денис. Как ты?»

«Не очень, – я решил не тратить время на лишние приветствия, ведь Барс всегда был настоящим – тем, с кем я могу не притворяться и, если у меня беда, просто попросить о помощи. – Я сдулся... Совсем. Мне сказали, я должен научить-

ся доставать энергию внутри себя, как умеете это вы. Иначе никак. Совсем никак. Ты ведь можешь меня этому научить?»

«Я не могу», – спокойно ответил Барс, и сердце моё упало.

Но через секунду будто взлетело обратно, когда он добавил: «Зато я знаю кое-кого, кто может».

Глава 6

Мячик тоже человек

– Ну что? Мы отправляемся к котейке прямо сейчас? На Верул? – спросила Стелла, как только я закончил телепатический разговор с Барсом.

Хотя со стороны это, наверное, выглядело так, будто я болтал сам с собой.

– С чего ты взяла?

– Я что, на облаке живу?

Мы двинулись дальше по тропе-каменке. Вдруг услышали позади сначала «чпок», будто лопнуло куриное яйцо, а затем глухой удар камня о камень. А я ведь даже не магичил!

– Что за... – начала было Стелла.

Я обернулся, уже догадываясь, что увижу: ямку в дорожке и камень из неё метрах в трёх, словно кто-то поддел его лопаткой и отбросил в сторону.

– Так... – Стелла, похоже, колебалась, подойти ей к камню или нет.

– Не надо. Это моя работа, – буркнул я. – Наверняка ещё шваркнутся.

И тут же в воздух взмыл ещё один камень, немного пролетел и смачно шлёпнулся рядом с первым.

– Пошли, – вздохнул я, отворачиваясь, чтобы не видеть полёта третьего булыжника.

– А мы не должны...? – нерешительно спросила Стелла.

– Нет! – отрезал я. – Пошли!

Это, впрочем, не помогло. Мы топали, а вокруг нас вычпывались, взлетали и падали камни, словно процессом руководил какой-то невидимый дирижёр. Я решил попробовать заклинание на рассеивание, но сделал только хуже – разрушение тропы ускорилося.

К счастью, не было видно ни одного кукустика, а то бы я уже паниковать начал, что кого-то из них ненароком пришибу этими булыжниками.

Я всё-таки попробовал затолкать обратно пару камней, но вышло плохо: как будто лунки успели сжаться.

– Это, правда, всё из-за тебя? – Стелла кивнула нам под ноги, где из своего гнезда со смачным чпоком вылупился очередной кусочек брусчатки и шмякнулся всего в десятке сантиметров от моих кроссовок.

Не отвечая, и так всё очевидно, я вздохнул и присел, чтобы снова попробовать вернуть камень на место, но он упорно не влезал в собственную ямку.

– Если брать тебя на Верул, надо согласовать это с Эилилем, Митро и Ветрошей.

Она тут же с усмешкой кивнула:

– Вот с Митро обязательно!

Я не мог не улыбнуться.

– Что ещё за хиханьки-хаханьки? – Стелла сдвинула бровки.

– Обожаю тебя! – признался я. – Ты хоть понимаешь, насколько ты необыкновенная? Только ты во всех свободных мирах способна не удивиться, что я собираюсь отпрашиваться у мячика.

Она пожала плечами:

– Ну, во-первых, мячик тоже человек. Во-вторых, конкретно этот – член семьи, и с ним нужно считаться вдвойне.

– Да ты богиня! – с этим воплем нам навстречу из ближайших кустов выкатился Митро, виртуозно увернувшись от очередного, выскочившего из тропинки булыжника.

– Подслушивал, – ласково сказала Стелла и тут же пригнулась, протянув ладони навстречу мячику.

И он в них, ни секунды не раздумывая, с разбега запрыгнул.

Следующие пару минут я соображал, как мне реагировать на по-кошачьи заурчавшего в руках у Стеллы Митро, которого она одной рукой придерживала, прижимая к груди, а другой почёсывала. В том месте, которое у него с натяжкой можно было бы назвать пузиком, будь оно у него. Ну, или подбородком, если бы у него был подбородок.

– Какой же ты ладненький! – приговаривала Стелла. – Самый миленький из всех колобочков, что можно себе представить! Масечка! Пупусечка!

Самый-самый фердипердозный пирожочек! Ты это знаешь?

Фердипердозный пирожочек? Пупусечка? Масечка? Я да-

же не думал, что она знает такие слова.

– Вообще-то этот пирожочек ругается, как уличный гопник, – заметил я.

– Хакфррру! – с этим звуком Митро плюнул в мою сторону и тут же опять заурчал под руками Стеллы.

– Не доплюнул и промахнулся, – я показал мячику кулак. – Так. Я рад, что вы поладили, но, может, пойдём? Поедим, например. Поговорим. И, кстати, Митро, а где Ветроша?

– А он с Глассом, фрррррр-хмао, – пробормотал Митро с урчанием, прикрывая глазки от удовольствия.

Вокруг продолжали шлёпаться камни. Сюр какой-то!

– Чего? А что он делает с Глассом? Гласс никогда не был его наставником!

– Балуется, фуырррррр, рёв дракона отррррабатывает, – пробубнил Митро, причём глаза он так и не открыл. – А Глассу нравится его передразнивать... Ффффр... Так вот они и подружились. А ты всё пропустил!

Только этого мне не хватало: ревущего, как дракон, эврола, который подружился с похожим на гоголевского чёрта магом.

Стелла тем временем глазами показала мне на тропу, которая пока ещё не окончательно рассыпалась.

– Да, пошли, – согласился я. – Пока есть, по чему идти. Мне ведь ещё с Эилилем поговорить нужно.

Мы двигались медленно, потому что Стелла несла на ру-

ках Митро и даже на ходу продолжала его почёсывать, не глядя себе под ноги, а он урчал во всё горло и, кажется, при этом умудрялся дремать. Если так дальше пойдёт, она действительно увезёт его на Терию.

...Уже в апартаментах, когда Стелла расположилась с Митро на коленях на диване – прямо перед панорамой на долину, я спросил, чего она хотела бы на ужин.

– А какие варианты? – вопросом на вопрос ответила моя бабушка.

– Да любые!

– В смысле любые? У тебя тут ни кухни, ни холодильника!

– Мы просто закажем всё, чего ты захочешь.

Стелла развернулась ко мне, прервав любование долиной и поглаживание мячика:

– Просто закажем? На Атласе есть лентяй-еда и лодырь-доставка?

– Вроде того, – улыбнулся я. – Только здесь их курьеры не гоняют на самокатах и не сшибают на тропинках пешеходов.

– Какие прекрасные курьеры!

– Ну так что?

– Заказывай комочки, богиня Стелла, хмммр, – пробормотал Митро, по-прежнему не открывая глаз. – Ветроша только их и лопает, говорит, что это самое вкусное в мирах.

Стелла вопросительно посмотрела на меня.

– Булочки с корицей, – пояснил я.

– Углеводы? – поморщилась Стелла. – Ты кормишь птенчика углеводами?

– Уже нет. Он сначала крал их у меня, а потом сам научился... э-э-э-э-э... вызывать лентяй-еду.

– Ладно, дорогой. Тогда мне тыквенный суп-пюре, кусочек пармезана и яблоко. Есть такие товары в вашей обжор-лавке?

– В обжор-лавке есть абсолютно всё, – похвастался я. – Но отвернись.

Стелла послушно отвернулась – и повернулась без разрешения в ту же секунду, как только почувствовала запах: тыквенного супа с пылу, с жару, капустных котлеток, какао и булочек. По-прежнему заботливо глядя Митро, она во все глаза смотрела на накрытый, словно по взмаху волшебной палочки, столик и покачивала головой.

– Я хочу остаться здесь навсегда!

– Клади Митро на подушку и иди сюда, – позвал я.

– А он? – Стелла кивнула на Митро.

– Он не ест.

– О-у! Бедняжка! – она чмокнула Митро сначала в макушку, а затем и в обе щёчки. – Еда – это же удовольствие!

– А куда мне есть? – мячик приоткрыл один глаз. – У меня живота-то нет! Ты лучше клади меня, клади, как сморкач сказал. И поешь булочек. А то, когда явится пернатый, тебе ни одной не достанется, – тут Митро хихикнул. – Он у нас сторонник здорового питания.

Стелла очень бережно уложила его на диван и, чмокнув ещё раз в лобик, подошла к столику и уселась на один из пуфиков. Я устроился на соседнем.

– Уффф! Волшебно! – Стелла попробовала тыквенный супчик. – Лучший из тех, что я пробовала! А я его пробовала на трёх континентах Земли! – она облизала ложечку, зачерпнула следующую и обратилась к мячику: – Митро, скажи, а почему ты назвал эврола сторонником здорового питания, если он, как ты говоришь, лопает булки?

– Потому что, с его точки зрения, лопать булки – это здорово, – ответил мячик и захихикал.

– Скажи-ка вот ещё что, – Стелла улыбнулась и всё-таки куснула булочку, подмигнув мячику, – а ты поедешь со мной на Землю?

– Куда-куда? – нахмурился мячик.

– На Терию, она зовёт тебя на Терию, – пояснил я. – Стелла, стоп! Здесь так дела не делаются!

– А кто мне откажет? Тот милый бородач, который нас здесь встретил?

Но ответить ей я не успел – в дверь будто поскреблись, что показалось мне очень странным, поскольку эта дверь всегда была нараспашку для всех и каждого, кроме меня. Тому же Митро стоило только подкатиться – она распахивалась настежь! Лишь мне, видите ли, надо её вежливо просить!

– Вперёд! – по-хозяйски проорал Митро.

Как кот, честное слово: уже решил, что это не он у меня,

а я у него живу!

Дверь тут же распахнулась, открыв нам невероятное зрелище: нерешительно перетаптывающегося у порожка Арэйса с багровыми щеками и довольным, очень гордым собой, Ветрошей на плече.

– Ох! Кхрррррбра! – тут же выругался мячик вполголо-са. – Знал бы, кто с тобой, то промолчал бы.

Повелитель двери нашёлся.

– Арэйс, здравствуйте! – я соскочил с пуфика, успев заметить, что Стелла слегка вздрогнула, услышав это имя.

– Вот... – мой наставник по фехтованию пропустил реплику Митро мимо ушей и определённо выглядел очень смущённым. – Я принёс его домой, Денис. Я нашёл его... Вернее, встретил их... Короче, они с Глассом на берегу реки рыб пугали.

– А рыбы разве жаловались? – с хрипящим смешком спросил Ветроша.

Арэйс коротко глянул на него и снова повернул голову ко мне.

– Они там орали наперебой дикими голосами... Я даже не понял, кого они имитировали... Подумал, что он... Что ему... Что ему пора отдохнуть, – тут он спохватился и, прижав руку к груди, слегка поклонился в сторону столика, произнеся: – Здравствуйте!

И тут же запнулся! У него что, лоб влажный?

Хотя обращался он ко мне, но теперь не сводил глаз

со Стеллы, молча и невозмутимо наворачивающей тыквенный супчик вприкуску с булочкой. Митро, не мигая, наблюдал за ним с дивана и что-то недовольно бурчал себе под нос.

– Спасибо, что Вы принесли его домой, – я сделал приглашающий жест рукой. – Проходите, Арэйс, пожалуйста, я хочу познакомить вас с моей ба...

– Прокляну! – перебила меня Стелла певуче-ласковым голосом и изящным движением руки отломил кусочек от булочки.

– Прости! – спохватился я.

– Комо-о-о-очки-и-и-и! – Ветроша наконец заметил, что без него тут пируют, и стремительно слетел с плеча Арэйса, спикировав прямо на столик.

А там вбуравил клюв прямо в центр булочки в руке Стеллы, хотя рядом стояло целое блюдо с нетронутыми комочками.

– Фффриффе-е-ет, Фффтелла! – с набитым клювом поздравился Ветроша.

– Привет! – улыбнулась ему Стелла. – Мне совсем не жалко булки. Но ты не хочешь взяться за целые, а не надкусывать мою?

– Фффто? – удивился он.

– Ну, здесь полно булочек. Они все твои. Зачем тебе эта? Недоеденная?

Ветроша судорожно проглотил отжатый кусочек, пару секунд подумал и выдал:

– Все мои я и потом съесть успею.

Стелла рассмеялась и погладила пернатого по грудке. Он тут же начал клевать с её руки снова. Но при этом держался так, чтобы не мешать ей его гладить.

– А я тебя предупреждал, богиня: ешь, пока его нет! – буркнул Митро с дивана. – Теперь он умнёт абсолютно всё!

– Умну! – весело подтвердил Ветроша с набитым клювом.

– Ты маленький, в тебя столько булок не влезет! – возразила Стелла.

– Поспорим? – выкрикнул эврол и клюнул булочку снова.

Мячик со Стеллой дружно хихикнули.

– Не спорь с ним, не надо, а то он лопнет «на слабо», – сказал Митро, и они снова залились смехом.

А я не понимал, что мне делать. Арэйс – один из самых суровых моих наставников – стоял в дверях, краснел, как детсадовец, разломавший качели, и продолжал топтаться в дверях, несмотря на моё приглашение войти и присоединиться к нам. Он явно прислушивался к разговору Митро и Стеллы.

А та словно не замечала, что у нас гость. Не смотрела в его сторону.

Да что не смотрела! Она ему даже «здрате» не сказала! Зато продолжала наглаживать грудку Ветроше.

– Да заходите, прошу Вас! – повторил я. – Стелла, пригласи Арэйса войти!

Но и после этого она даже головы к нему не повернула. Я будто в пустоту запрос отправил!

Зато предложила эвролу кусочек сыра:

– Будешь пармезанчик, шёлковые пёрышки?

– Я лучше пойду, – растерянно пробормотал Арэйс.

Я хотел остановить его, но не успел – он в ту же секунду будто испарился, а дверь за ним хлопнула так, что косяк задрожал.

Но ни Стелла, ни Митро, ни Ветроша этого словно не заметили! Да что тут происходит-то?

– Стелла, а что это сейчас было? – я повернулся к бабушке и скрестил руки на груди.

– Ты о чём? – невинно хлопнув глазами, она куснула кусочек пармезана.

– Ты даже не поздоровалась с моим наставником! Ты вела себя так, будто он – пустое место!

– А-а-а... А это был наставник? – она вздёрнула бровки. – Я думала, курьер.

Издевается? Арэйс больше на Ришелье из романа Дюма похож, чем на курьера! Причём такого Ришелье, который сам хоть на кулачках, хоть на шпагах кому хочешь навалит!

– Ты, надеюсь, шутишь? – я предпринял ещё одну попытку.

– Он ей нравится! – объявил Митро с дивана.

Я бы расхохотался в этот момент, если бы щёчки моей бабушки вдруг не стали алыми, как спелые томаты, и она не начала, глядя мимо меня, нервно мять свои пальцы.

Арэйс? Нравится Стелле? Моей Стелле? Да она мужчин

терпеть не может!

– Лучше бы ты тоже ел, пампушка! – с досадой сказала она Митро и нахмурилась.

– Ой, я тоже не люблю болтунов, – вздохнув, горестно признался мячик. – Так не люблю! Часами могу об этом рассказывать! – тут он встрепенулся и напористо заявил: – Но он же пугало носатое, богиня! Зануда! И похож на зубочистку! Только здоровую! Он костляв, надут, противен и с мечами. На что он тебе сдался? Ты же не будешь за ним бегать? Скажи, не будешь?

Стелла, к моему удивлению, промолчала.

А я смотрел то на неё, то на Митро, и не понимал, как мне на всё это реагировать. Мало мне своих проблем с магией земли – рушится мечта стать первым в истории магом четырёх стихий – так я ещё как раз сейчас притащил в цветные миры влюблённую в моего наставника бабулю!

Так, что ли? Как я объясню это Эилилю?

В этот самый момент Ветроша, добравшийся до Стеллиного яблока, отхватил от него большой кусок сочной мякоти и звучно чавкнул, обратив на себя всё наше внимание. А затем, проглотив его и убедившись, что мы смотрим на него – все трое, радостно объявил:

– Вы ещё не поняли? Бегать будет он!

Глава 7

Игра в пуговицы

– Дай угадаю! Стелла желает познакомиться со всеми твоими наставниками? – этим вопросом Эилиль встретил меня у фонтана, опираясь локтем на его бортик.

– Очень желает, но не прямо сейчас, – я подошёл ближе и скопировал его позу.

Затем сделал паузу, размышляя, надо ли пояснить, почему «не прямо сейчас», и, ничего путного не придумав, выпалил:

– Мы с ней хотим смотреться на Верул.

Вместо ожидаемого мною: «Зачем?» – Эилиль лишь поморщился, очевидно, от слова «смотреться», и спросил:

– Надолго?

– А Вы даже не удивились?

Наставник погладил свою ухоженную бородку и ответил:

– Я так понимаю, ты поговорил с Медером. Он уже месяц, в свободное от уборки последствий твоих косяков время, продвигает на заседаниях Совета теорию о нехватке у тебя внутренней энергии, поэтому...

Я едва не задохнулся от возмущения:

– То есть Вы знали про кошачий вариант и молчали? Ладно он! Но Вы?!

У нас на Терию говорят, это не по-пацански!

– Сбавь тон! Мы не на Терию.

Но тон я не сбавил. Наоборот, заорал на бешеных децибелах:

– Да если бы я знал, то уже смотался бы к котам! И уже решились бы все мои проблемы!

Элиль вздёрнул брови и помолчал, ожидая, видимо, скажу ли я что-то ещё. А не дождавшись, очень тихо проговорил:

– Или не решились. А так у тебя ещё оставался этот... – он сделал паузу, – этот период царства возможностей.

Конечно, я понимал, что он прав. Никаких гарантий, что коты мне помогут, нет, потому что точных причин моей, как выразилась Стелла, магической немощи никто не знает.

Но меня всё равно распирало от злости.

– И что, по Вашей логике, даже пробовать не надо?

– Надо, – со вздохом признал наставник. – Хотя, пока ты не попробовал, есть надежда, что всё поправимо. Как я уже сказал: царство возможностей.

То есть он не сказал мне о таком варианте, боясь, что я посыпался бы окончательно и безнадежно? Хорошие дела!

– А Акер тоже в меня не верит? Да?

– Акер винит себя. Он приуныл – настолько, что хочет вообще уйти из наставников. Но нет, Медер ему о своих предположениях не говорил.

Он помолчал, часто поморгал, словно раздумывая, что ещё сказать.

– Денис, мы уже разбирали эту ситуацию и так, и эдак. Мой ответ на твой вопрос: нет, ты не прав. Я хочу в тебя верить. Но ты и так уже совершенно точно уникален. Три магии... Три! Никто до тебя с этим не справился. Во всяком случае, я о таких не знаю. Никто не смог бы больше.

– А я хочу смочь! – крикнув это, я почувствовал, как мои уши загорелись, а сзади раздался какой-то глухой, но очень тяжёлый шлепок.

Как будто громадным мокрым матрасом жажнули о бетонную стену.

Не иначе я в ярости выдрал одно из деревьев с корнем.

– Я хочу больше! Раньше нет, но теперь да! Вы все так долго убеждали меня, какой я особенный, что теперь я от этого не откажусь!

– Тогда отправляйся на Верул, – просто сказал Эилиль. – И да, можешь взять с собой Стеллу.

Только я хотел спросить, как он догадался о моём следующем вопросе, как он добавил:

– Но сначала верни дёрн на место. Сам. А то Медера ты уже достал.

Дёрн?

Я обернулся. Шлёпнулось не дерево. Я умудрился перевернуть вверх тормашками полполяны! Как, блин, я это исправлю?

– Только предупреди своих наставников, – услышал я за спиной.

– Хоро... – начал я было отвечать, но застыл на развороте. Эилиль уже исчез. Говорить было не с кем.

...Исправить разгром у фонтана мне не удалось. То есть я пытался.

Но сделал только хуже. Поэтому, когда мой кроссовок увяз в образовавшемся под перевёрнутым дёрном болоте, я набрался наглости и телепатически позвал Медера. Отозвался он сразу:

«Я так понимаю, что очень сильно нагрешил в одной из прошлых жизней».

«А Вы верите в прошлые жизни?» – удивился я.

«Чего тебе надо, вандал?»

«Я тут кое-где нечаянно устроил чёрт-те что...»

«Это понятно. Что именно ты сделал? Завалил дворец на-возом? Столкнул Атлас с орбиты? Превратил Лиганта в кусочка?» – устало пошутил Медер.

«Не так радикально. Всего лишь разнёс поляну у фонтана».

«Отлично. Она мне всегда не нравилась».

Надо же! У него неплохое чувство юмора. Я вдруг почувствовал, что был бы не прочь с ним подружиться.

...В апартаментах меня ждал сюрприз. Милый! Толстый, румяный и, кажется, очень довольный собой.

До этого момента единственный раз, когда он был у меня в гостях, на нём лица не было, потому что на занятиях у него ничего не получалось. Он тогда почти отчаялся и умо-

лял о помощи. И если бы не Тоут со своими ментальными классами, где время идёт гораздо медленнее, чем в реальности, кто знает, справился бы свин со своим студенческим кризисом?

При этом они все трое – Милый, Ветроша и Митро – сгрудились на диване вокруг Стеллы, которая неожиданно для меня вдруг выкрикнула:

– Барабанные палочки!

Чего?

Я подошёл к ним ближе. Точно – в лото играют!

Перед свином, эвролом и мячиком лежали листочки с квадратиками и цифрами, а моя бабушка, сидя по-турецки, с мешочком на коленях, доставала из него игрушечные бочонки и выкрикивала:

– Пятьдесят шесть! Тринадцать! Бесконечность!

Пернатый и свин сосредоточенно заставляли свои квадратики пуговицами, двигая их когтистой лапкой и рукой соответственно. А Митро просто дул на пуговицы, что выглядело, несмотря на его виртуозное попадание куда надо, во всяком случае, он не передувал, очень комично.

– Лото-то у вас откуда? – я застыл над ними, наблюдая, как моя бабушка достаёт очередной бочонок. – И где вы взяли такую кучу пуговиц?

– Семьдесят три! – объявила Стелла и отложила бочонок к кучке других.

Ветроша с Милым, изучив свои карточки, разочарован-

но посмотрели на Стеллу, а Митро победно пискнул: «Йох-ххо!» – и дунул на очередную пуговицу, влетевшую точно в квадратик «73».

– Я заказала. Объяснила, что мне нужно. Ветроша сделал, – пояснила Стелла, приглашающе постучав по дивану рядом с собой. – Радуйся, что не домино.

– Ветроша сам сделал лото? – очуметь можно.

– Сам наколдовал! – подтвердил Митро.

– И пуговицы тоже я! – гордо прокваркал пернатый.

– Ну всё! У нас есть лото и пуговицы. Цветные миры непобедимы! – не удержался я от иронии.

– Ды-ы-ы-а! – выдохнул эврол самодовольно.

– А зачем я пришёл, тебе не интересно? Или тебе на меня плевать? – возмутился свин.

Но, что характерно, он даже не встал мне навстречу. Так и сидел перед карточкой с пуговицей наготове.

– Интересно, – вздохнул я, подходя к оккупированному игроками дивану. – Очень.

– Он тут уже часа три интригу нагоняет. Намекает, что пришёл с тайным знанием, но больше ничего не говорит, – подмигнула мне Стелла. – Ты посиди пока. Нам доиграть надо. Потом, надеюсь, твой приятель расколется.

– Расколюсь? Я? – напрягся свин. – Я не хочу колоться!

– Спокойно! Это просто терийский жаргон! – с видом знатока заявил Митро.

...Когда Ветроша и Милый всё-таки продули мячику в ло-

то, а Стелла принялась аккуратно складывать бочонки в мешочек, я наконец смог спросить свина о причине его неожиданного визита.

– Я знаю о твоих проблемах и знаю, как тебе помочь! – радостно объявил Милый. – Хотя злюсь, что ты ко мне сразу не обратился! Очень злюсь! Обиделся! Даже готов с тобой поссориться!

И... замолчал, всем своим видом намекая: ну, давай, извиняйся!

Так мы с ним молча смотрели друг на друга несколько минут, пока Стелла не спросила:

– И?.. Это всё? Сказку сократили до названия?

Свин покачал головой:

– Не-а. Это я обиделся.

И опять замолчал. Я посмотрел на Стеллу, она пожала плечами: ну, что я говорила?

– Милый, послушай...

– Это ты послушай! Я твой бро, целитель, учёный и хороший друг, – вдруг гаркнул Милый, – поэтому сначала помогу, а уже потом буду обижаться!

И снова замолчал, выразительно глядя на меня.

– Обижаться? На меня?

– Да! Да-да-да! Обижаться! Негодовать! Возмущаться! Дуться! Злиться! Кукситься! Пукситься! И разговаривать с тобой тоже не буду! – Милый сложил руки на животике и воинственно дёрнул пяточком.

Все за нами наблюдали: Стелла – с улыбкой, Ветроша – с открытым клювиком, а Митро, кажется, готовился нас подначивать.

– Ты не будешь со мной разговаривать? – переспросил я.

– Не буду! – подтвердил свин.

– Долго?

– Долго! – всхрюкнул Милый, и тут же хохотнул, очевидно, не удержавшись на серьёзной mine. – Минут пять!

Знакомая шутка.

Митро тут же закатился на затылок в весёлом ржании, и Милый – вместе с ним. Мы переглянулись со Стеллой, она показала мне большой палец.

Не оценил прикола только Ветроша. Он со щелчком закрыл клювик и деловито поинтересовался:

– Ты помогать-то начнёшь, стендапер?

– О, конечно, – встрепенулся Милый и снова хихикнул.

Но тут же посерьёзnel.

– Кто?

– Ты! – Ветроша нетерпеливо топнул по дивану.

– Да я не о том! Ты как меня назвал? – нахмурился свин.

– Тоже хотела спросить, – призналась Стелла. – Откуда магический птенчик знает такие нарядные слова?

– Ну, он же мой магический птенчик, – вместо пернатого ответил я. – Мою лексику ворует.

– Раз так, выбирай выражения! – посоветовала Стелла. – А то он будет повторять именно то, чего ты от него услышать

никак не захочешь.

– Ты не переживай, – решил по-своему успокоить Милого Митро. – Стендапер – это же просто болтун!

– Что-о-о?! – возмущённо завопил Милый.

– Так очень смешной болтун! – добавил мячик. – Это не обидно!

– Я и с тобой больше разговаривать не буду! – сердито объявил свин.

– Ага, помню, – ротик Митро расплылся в зубастой улыбке. – Долго. Минут пять.

Милый, сжав зубки, сделал вид, что ему не смешно и что он не слышит и не видит Митро. Он придвинулся ко мне поближе и шепнул:

– Я думаю, тебе нужно отправиться...

– Дай угадаю! На Верул? – вырвалось у меня.

Свин осёкся и уставился на меня в полном недоумении. А затем откинулся на спинку дивана, при этом даже его поникший пяточок выражал разочарование.

– Ты знал?

– Извини, – я тронул его за руку. – Нет, до сегодняшнего дня я ничего об этом не знал.

– Уже не важно, – свин насупился и заёрзал на диване. – Мне, наверное, пора, раз ты считаешь меня бесполезным.

– Ну вот кто сказал, что ты бесполезный?

– А что с меня взять, я же просто болтун! – ещё больше надулся Милый.

– Но смешной же! – попытался утешить его Ветроша.

Но эффект, если он и был, тут же испортил Митро:

– Однозначно, трепло! Хрюн, болтун, свистун и говорун!

– Митро, прекрати! – взмолился я. – Милый, он не со зла.

Он всех всегда дразнит.

– Эй! Я вообще-то здесь! Кхрррррбра! – возмутился мячик.

– Вот и уймись! – я вздохнул и добавил: – Пожалуйста!

Он открыл было ротик, но тут же закрыл. Отлично. Хоть сколько-то помолчит.

– Милый, подожди. После разговора с Медером я всё думаю и думаю.

И знаешь, чего не понимаю?.. Как коты могут помочь мне с магией земли, если их магия – огонь?

– Кто тебе это сказал? – хитро прищурившись, спросил приободрившийся Милый.

– Барс. Собственной персоной.

Свин просиял, очевидно, обрадовавшись, что он всё-таки знает что-то, чего не знаю я.

– Тогда эта персона не всё тебе сказала!

– Он ещё сказал тогда, что ты – маг тверди.

– Ну да. Но это не то, что ты думаешь. Я лишь вижу, что у всех у вас внутри. А что?

– Нет, просто... Твердь так твердь. Ты лучше скажи, чего такого не договорил мне Барс?

Милый засиял ещё ярче и стал похож на отполированный

алюминиевый тазик, но при этом опять загадочно замолчал.

– Я тебе сейчас пяточок откушу и уши надеру, рентген ты надутый! – потеряла терпение Стелла.

На удивление это сработало. Милый даже не обиделся. Он заставил каждого из нас поклясться, что мы сохраним эту тайну, даже если нам за неё пообещают все сокровища мира, и речитативом затрещал на выдохе, практически без пауз.

Оказывается, история про котов – магов огня – это, что называется, презентационная версия...

– Беллетристика! – прокомментировала Стелла.

– Что? – удивился свин, прервав свой монолог.

– Не обращай внимания, – весело сказал ему Митро. – Это как со стендапером.

– Да? А если... – тут Милый нахмурился, видимо, вспомнив, что с Митро он не разговаривает.

Демонстративно повернувшись к нам со Стеллой и всячески избегая взгляда мячика, свин продолжил: на самом деле коты уже веков сто владеют всеми четырьмя магиями стихий.

– Подожди, подожди! – тут уже перебил его я. – Тогда почему мне тут абсолютно все твердят, что я могу стать первым в истории магом четырёх стихий? Если коты сто веков такие?

– Ой, нет! – замахал на меня руками Милый. – Ты не понял. Не всеми четырьмя сразу. А какой-то одной. Но их одарённые сами могут выбирать, какой именно. Понимаешь?

– То есть не магия их выбирает, а они её? – решил я уточнить.

– В яичко! – бодрым кивком подтвердил свин.

– У вас на Центране по яйцам стреляют? – поинтересовалась Стелла.

Она уже собрала все бочонки и завязала бантик на мешочке.

– Ды-ы-ы-а! Но так делают только плохие свины! – заявил Милый. – А хорошие их едят.

– Я помню, Денис рассказывал, что вы большие любители пожрать! – выступил Митро с очередной провокацией.

– Ошибаешься! Мы – профессионалы! – ни на меня, ни на очередной выпад мячика Милый, как ни странно, не рассердился.

Митро так удивился, что дар речи, похоже, на время утратил.

– Это в корне меняет дело, – не удержался я от смешка. – Но скажи, почему тогда здесь, на Атласе, так мало котов?

– А зачем им Атлас? – удивился свин.

– Так учиться же!

– Они сами кого хочешь научат. Ну, если, конечно, захотят.

– А могут не захотеть? – насторожилась Стелла.

– А то! – свин сжал кулачки и зачем-то потряс ими перед щёчками.

Затем потянулся всем своим толстеньким тельцем и вы-

дал:

– Они обычно и не хотят. Секретики свои берегут. Но тебе помогут.

– Почему?

Пока Милый раздумывал, как объяснить, Стелла догадалась:

– По благу, видимо.

– В яичко! – повторился свин. – Не смотрите на меня так, я знаю, что такое блат. От Дим Шилыча, – тут он хитро мне улыбнулся. – У тебя, Ден, на Веруле тако-о-о-о-ой блат!

– Какой? – со вздохом спросил я, уже начав уставать от этого бесконечного вытаскивания информации клещами. – Барс – мой единственный друг среди котов. Мой единственный блат. Это он, что ли, великий колдун Верула?

– Нет! – Милый снова просиял от самодовольства.

Но на этот раз долго томить не стал:

– А вот прабабушка его любимой невесты Лины, да! И ей она ни в чём не откажет!

...Спать – Стелла с Ветрошей и Митро на кровати, я на диване перед панорамным окном – мы устроились только перед рассветом. Уже после того, как собрались провожать Милого. И пошли бы, пешком, если бы Митро с видом профессора, страдающего от невероятной глупости студентов, не остановил нас на выходе:

– Денис, а у тебя уже и по телепортации «неуд»?

Точно! Я же за секунды могу доставить Милого в его часть

академии!

И, что важно, так я точно ничего по пути не разнесу и не разломаю!

– Забыл! – хлопнул я себя по лбу. – Ты же моя прелесть! Спасибо! – я послал мячику воздушный поцелуй, на что он ответил недовольно сморщенным лобиком и звучным «хррртьфу».

...Утром за завтраком, после того, как Ветроша улетел на занятия, а Митро нигде не было видно, я признался Стелле, что нам с ней дали добро на миссию на Верул. Но до этого, поскольку я не знаю, сколько буду отсутствовать, мне нужно поговорить с каждым из наставников.

– Поэтому телепортацию придётся отложить до вечера, – закончил я.

– А я об этом должен был от кукусиков узнать? – раздался возмущённый крик из-под диванной подушки.

В следующую секунду она отлетела на пол, и мы увидели заспанное и помятое лицо Митро. Вернее, всего Митро, потому что он весь и есть одно лицо.

– Митро, я...

– Вот что, хитрый, вредный, нудный, подлый, мелкий, ленивый, неблагодарный сморкач! – мячик сделал паузу, получившуюся – сразу после такой тирады – очень выразительной. – Я поеду с вами! Это не обсуждается!

– Ну уж нет! – я даже подскочил с пуфика, уронив на пол ложку, которой до этого ел вишнёвый йогурт. – Я договари-

вался только обо мне и о Стелле!

– А я тоже человек! Она сама так сказала! – упёрся Митро.

– В самом деле, Денис, – встряла Стелла, отхлебнув кефир из стакана, – давай возьмём его. Если что, я его в сумке спрячу. Пусть наш сладкий пирожочек тоже посмотрит на другую планету!

«Сладкий пирожочек» уставился на меня с видом победителя Олимпийских игр.

А действительно, подумал я, почему нет? Если коты мне помогут, про нарушение очередного правила никто не вспомнит. А не помогут – меня так и так вышибут с Атласа.

– Сдаюсь! – произнёс я под их радостные вопли: «Йоу, йоу, йоу!» – С вами двумя я не справлюсь.

Когда я сказал, что прямо сейчас схожу на занятия, в конце концов надо использовать все возможности, может, мне недолго осталось учиться, Стелла кивнула:

– Вперёд! А мы ещё поваляемся, да, пупусечка? – посмотрела она на Митро.

– Не-а! – нахально объявил «пупусечка». – Мы пойдём с ним. Тебе его начало дня у носатого, – тут он с хитрым видом подмигнул Стелле, – очень понравится.

– Чики-пуки! – согласилась она так легко и быстро, что я не успел возразить.

Но успел подумать: если Ветроша прав, то у Арэйса, ка-

жется, нет никаких шансов.

Глава 8

Там, где живут единороги

На самом деле перед убытием на Верул я собирался обойти всех своих наставников, не только Арэйса. Хотя сам не понимал, зачем мне это нужно.

– Элемент уважения, – пожала плечами Стелла, уплетавшая фисташковое мороженое, сидя на диване по-турецки, когда я спросил её, что она об этом думает.

– А может, я просто боюсь не вернуться и больше их не увидеть? – предположил я.

– С чего бы? – Стелла поскребла ложечкой по вазочке. – Коты —

мегасуперпампушки, они помогут. Дадут тебе волшебную палочку, посох колдуна, магический шар или, ну не знаю, пинка для рывка, после чего ты всех порвёшь и натянешь им носы на уши!

– Да? А если я всех порву, то что и кому буду натягивать? – я всё-таки продолжал сомневаться. – Стелла, с чего такая уверенность?

– Да я сама тебе сейчас нос на уши натяну. Если ты сдаться надумал.

– Я про котов. Почему ты так уверена, что они захотят помочь? Если они чужаков в принципе не учат?

– У меня котов на Земле – на три банды! Кто их натуру

знает, если не я?

От этих её слов у меня вдруг кольнуло в сердце: я сразу подумал о той, кто сейчас кормит всех этих котов вместо Стеллы, и почувствовал, как сильно мне её не хватает. Какой смысл что-то особенное делать, если нельзя тут же поделиться этим с Лерой?

– А ты точно хочешь со мной на Верул? – на всякий случай уточнил я у Стеллы и в следующую секунду едва увернулся от летевшей мне прямо в лоб ложечки. – Не злись! Я просто переживаю, как среагирует Ветроша, когда узнает, что мы все трое удрали без него. А ему даже не сказали.

– Если ему сказать, он увяжется за нами, – встрял обожающе глазевший на Стеллу Митро. – А его ты не согласовал.

– Я и тебя не согласовал!

– Да, но больше трёх – уже толпа! – выдал мячик.

– Мой ты мальчик! – Стелла почесала ему носик. – Но птенчик ведь занят с утра до вечера с этим своим страшным приятелем, они голосят у воды, пугая рыб, комаров, лягушек, розовых крысят и этого твоего... носатого! – заметила моя бабушка.

– Ветроша занимается не только с Глассом. И, кстати, нормальный у Арэйса нос...

– Отличный нос! Если что, дупло надолбит! – Митро, похоже, был в ударе.

– Во-о-от! – протянула Стелла, ласково потрепав мячик по макушке.

– Стелла, ну ладно он. А ты-то?

– Эй, я вообще-то тебя слышу!

– И я тебя! К сожалению.

После этого Митро предсказуемо плюнул в мою сторону.

– Так, оба запомните: у Арэйса нормальный нос, он отличный наставник. А если вы не будете проявлять к нему уважение, то друга потеряете навсегда.

– Это кого? – не унимался мячик.

– Это меня! – рывкнул я. – И, кстати, на Атласе нет комаров и лягушек!

– Да? – Стелла как ни в чём не бывало поставила вазочку из-под мороженого на столик. – Какая странная планета.

– Ты ещё скажи: странно, что у котов с собаками в цветных мирах блох нет!

– А их нет? – вздёрнула бровки Стелла. – Ладно, ладно. Шучу. Переживёт твой Ветроша пару дней. Ты записку ему оставь. Напиши, как ты его, маленького, любишь. Как все мы его любим. Но тогда смотаться нам нужно до его возвращения, если хотим отбыть без всяких скандалов! Мы-то готовы, да, солнышко? Да, мой пирожочек? – она подмигнула Митро, и он расплылся в глуповатой, но трогательно счастливой улыбке. – Так сколько времени понадобится на весь твой парадный обход сенсеев?

...Они с Митро действительно увязались за мной на тренировку. Адиль за спиной Стелла не заметила, а мячик почему-то хранил интригу – об особенностях моей силовой учё-

бы не болтал, хитро на меня поглядывая. Так что Стелла, похоже, думала, что мы идём на что-то вроде занятий по фитнесу.

Но увидев полосу препятствий с застывшими у каждого этапа куклами с мечами в руках, обомлела:

– Это что за «Форт Боярд» с голыми манекенами?

Я не сразу сообразил, что ей ответить. А пока думал, ближайшая к стартовой точке кукла резко встала в боевую стойку, подняв меч, а затем решительно шагнула к нам.

– Да чтоб тебя! – выругалась Стелла, отскочив назад и нечаянно уронив при этом ойкнувшего Митро. – Прости! Прости, пупусечка!

– Кхрррррбра! – возмущённо проорал мячик.

Стелла быстро подняла его и протянула мне:

– Подержи-ка!

Митро, видимо, был в таком шоке, что даже не возразил. А когда я взял его, Стелла сделала то, чего я никак от неё не ожидал и чего уже никогда в жизни не забуду: шагнув навстречу кукле с мечом, она со всей мочи врезала ей носком по ноге туда, где у людей колени.

Нога куклы предательски согнулась, как заломленный рулон обоев, и кукла стала заваливаться набок, хотя и попыталась удержаться от падения, оперевшись на меч.

– Стелла, я же...

Однако она меня не слушала и поддала кукле ещё раз, на этот раз в область кадыка, из-за чего та со звуком ломаю-

щихся пластиковых погремушек хлопнулась на землю.

– Что Вы делаете?

От громкого голоса подошедшего сзади Арэйса мы с Митро вздрогнули, хотя я-то его удержать сумел, а Стелла развернулась всем корпусом к моему наставнику, упёрла руки в боки, кивнула на куклу и сердито спросила:

– Твой инвентарь?

– Это не инвентарь! Это... – Арэйс посмотрел на неё со смешанным выражением злости и нежности на лице и... промолчал.

Он что, не знает, что с ней делать? Арэйс?

С другой стороны, представить себе не могу, как воин может наказать тоненькую, как подросток, женщину в шортиках и с розовыми дредами, даже если она дерётся, как хулиган из подворотни.

Наконец он сказал:

– Хорошо. Мой!

Она осмотрела всю его фигуру с таким видом, словно прицеливалась, куда бы и ему врезать. Арэйс поёжился.

– Это мои спарринг-партнёры, Стелла! А это мой наставник! Остановись! Если бы не он... Что ты вообще творишь? – я наконец справился с потрясением от бабушкиного кунг-фу и бросился к поверженной кукле.

– Все твои? – уточнила у меня Стелла, кивнув на полосу препятствий, где в этот момент находилось около пятидесяти кукол, и все они растерянно вертели абсолютно гладкими

белыми головами.

– Все мои! Они учат меня драться! – я бережно положил Митро на траву и погладил куклу по голове, шепнув: «Прости!»

А затем аккуратно придвинул к её руке выроненный меч.

– Да ладно! Учат они! – Митро решил устроить очередную «цыганочку с выходом». – Богиня, они та-а-а-к его лупят! Если бы не фонтан с эликсиром, у него бы уже ни одного целого ребра не было! И носа бы не было! – он поморщил щёчки. – И ушей, и бровей, и пальцев... И даже, – зловеще понизил голос мячик, – зубов!

– Что-о-о?! – Стелла поставила ноги на ширине плеч, ещё более воинственным взглядом испепеляя Арэйса. – И какой долдон это придумал?

– Я! Я здесь главный долдон, что бы это ни значило, – неожиданно и для меня, и для Стеллы с усмешкой сказал Арэйс.

Теперь уже она смотрела на него в упор и молчала, растерянно кусая губы. Митро переводил взгляд с неё на него и будто чего-то ждал.

А я погладил ногу куклы и неожиданно – даже для самого себя – сказал:

– Ты здорова!

После чего произошло нечто ещё более необъяснимое: кукла, потянувшись пару секунд, резко встала, не забыв прихватить меч с земли, шагнула на метр в сторону и застыла

в ожидающей позе. В месте удара на её ноге всё ещё был виден след слома, но больше ничего о травме не напоминало.

– Очуметь просто! – выдохнула, видя это, Стелла.

– Согласен! – в тон ей добавил Арэйс.

– Круто-то как! Эй, сморкач, а ты точно не придуриваешься с магией земли? – даже Митро выглядел потрясённым.

Я толком не успел подумать о вопросе, лишь взглянул на мячик.

Тут почва под ним провалилась, и он полетел прямо в образовавшуюся яму. Стелла взвизгнула, а Арэйс молниеносным броском шлёпнулся прямо на яму. Замысел я сразу понял, но как он его удержит-то, даже если поймает в полёте? Абсолютно круглого?

Как? Я узнал, когда наставник достал руку из ямы: испуганный Митро намертво вцепился в его палец! Зубами!

– Не колдуй пока больше, – сердито попросил меня мячик после того, как Стелла всё-таки уговорила его разжать зубы.

Палец Арэйса был сплошь в кровоподтёках.

– Так я не колдовал, – вздохнул я.

Стыдно-то как!

– Наставник, Вам нужно к фонтану.

Он спокойно pokrutil рукой, рассматривая повреждения, а затем тихо произнёс: «Пустяки», прикрыл руку рукавом и посмотрел на Стеллу.

Готов поклясться, что она это почувствовала, и в этот момент ей очень хотелось сказать ему что-то хорошее. Но вме-

сто этого она чмокнула в нос Митро и ласково, как будто хвалила, прошебетала:

– Ты мой вредный маленький кусака!

Арэйс еле заметно улыбнулся, покачал головой и... исчез.

Стелла с Митро на тренировку тоже не остались. Получается, пришли, напортили, сбежали.

Но получилось всё здорово: мы с куклами боролись абсолютно на равных, умудряясь уворачиваться от ударов друг друга. Как на хорошей разминке.

Когда я вернулся к месту старта полосы препятствий, ямы там уже не было. Интересно, кто на этот раз успел за мной подчистить?

Фарро на факультете магии огня я не застал. Эилиля своей телепатией не дозволялся.

Удивил Тоут. Он просто обнял меня, очень по-человечески сказав: «Удачи!»

Дейлин выслушала и вышла, попросив подождать минуту. Вернулась, держа в руках тоненькую цепочку с кулоном в виде какого-то горбатого зверька с рогом на голове, надела её на меня, шепнув: «Пеате сутери айе», и кивнула:

– Теперь иди.

– А что это зна...

– Иди! – прервала она меня, загадочно улыбнувшись.

Нам удалось удрать до возвращения Ветроши. Как и предложила Стелла, я написал ему записку, но уже на Веруле сообразил, что пернатый, при всей своей уникальности, читать

не умеет. Тем более, по-русски.

...Я, конечно, тоже его люблю. Но в полной мере обаяние Митро осознал лишь в тот момент, когда увидел, как Лина и Стелла в четыре руки щекочут его, а он закатывается, делая вид, что пытается от них увернуться, и хохочет.

Барса о том, что мы телепортируемся, я предупредил примерно за полчаса до старта. И на всякий случай добавил: «Могу промахнуться».

«Разберёмся», – спокойно ответил он.

К счастью, разбираться не пришлось. Мы оказались там, где я и планировал: у домика Лины.

А я и забыл, как тут красиво! Или просто в прошлый раз не видел ничего и никого, кроме гостившей у Лины Леры?

Прелестный маленький коттедж с большой верандой, уставленной мягкими диванчиками, со всех сторон был окружён сочно-зелёными кипарисами и густыми кустами с разноцветными шапками неизвестных мне цветов, похожих на что-то среднее между пионами и маргаритками, но размером с хорошую дыню. В тот раз, кажется, цветы были другие.

Барс уже был там. Стоял, облокотившись на свой футуристический котобайк. Если он и удивился тому, что мы со Стеллой притащили с собой Митро, то вида не подал.

– Ого! Ты не врал! Он настоящий! – восхищённо выдохнула Стелла, когда кот протянул ей свою правую руку со словами: «Добро пожаловать на Верул!»

– Ого! Ты не врал! Она настоящая! – улыбнулся Барс.

– Один – один, пушистик, – хихикнула Стелла и вместо того, чтобы пожать протянутую руку, пихнула мне Митро, а сама взяла и обняла кота, затем трижды чмокнула его в обе щеки, пока он потрясённо прижимал к макушке ушки, не зная, как на всё это реагировать.

Когда Стелла наконец отпустила Барса, взъерошенный и всё ещё растерянный он обернулся к домику и позвал:

– Лина!

В следующую секунду она показалась в дверях и буквально просияла, увидев нас:

– Дени-и-и-и-с! Стелла!

– Ох же трактор мне в гараж! – не удержалась моя бабушка, во все глаза разглядывая подбежавшую обнять нас Лину. – Деточка, ты самое прекрасное создание из тех, кого я видела в жизни!

– Здравствуйте! – ещё шире улыбнулась кошечка и аккуратно прижалась щёчкой к щёчке Стеллы.

– Эээ... – нерешительно попытался предупредить её Барс, но опоздал.

В следующую секунду Стелла сграбастала его подругу в крепчайшие объятия. И её, в отличие от него, это ничуть не удивило. Наоборот, она обняла Стеллу в ответ.

– Здравствуй! – подмигнув Митро, Лина поприветствовала его так же: щёчкой в щёчку.

Он пялился на неё во все глаза и выглядел, как довольный

Колобок, слопавший и лису, и волка, и – до кучи – медведя.

Уже в домике, когда Лина поила нас чаем с имбирными пряниками, выяснилось, что новая наставница меня уже ждёт. Но только меня.

После минутной заминки, пока мы переглядывались со Стеллой и Митро, Лина сказала:

– Не волнуйтесь! Вы – мои гости. Я уже всё придумала. Пока бабушка помогает Денису, я покажу вам Верул. Вы даже не представляете, как у нас здесь красиво! Каскады водопадов, сотни озёр, в которых отражается небо, заповедник единорогов...

– Я думал, весь Верул – это город! – искренне удивился я.

– Шутишь? – Лина очень мило сморщила носик. – Вообще-то Верул раза в два больше Тери.

– Да ладно! – это уже была Стелла.

– Поверьте нам, – подтвердил Барс.

– Да я не о том! Больше – и больше. Единороги... Они что, правда, существуют?

– Я бы тоже на них посмотрел, – заметил я. – Слушайте, а вы что, поженились?

Лина оставила мой вопрос без ответа, лишь бросила короткий взгляд на Барса.

– Ты едешь к прабабушке, Ден. К ней лучше не опаздывать, поверь мне. Барс тебя проводит. И да, единороги существуют, Стелла. Сама увидишь.

– Даже когда увижу, не факт, что поверю! – Стелла нахму-

рилась. – Хотя... Год назад я и в вас не верила.

Лина с Барсом переглянулись, после чего кошечка вежливо улыбнулась.

– А если они существуют... – Стелла покачала головой. – Ох, как же мало мы знаем об этом мире!

Тут она слегка дёрнулась от внезапной мысли.

– Слушайте, а эта ваша кошачья царица магии, она не обидит моего внука?

– Она знает, что он наш с Барсом друг, – ответила Лина.

– Но?.. – не отставала Стелла.

– У неё своя методика.

– То есть?

– Она не любит никого учить, – после паузы, снова переглянувшись с Барсом, ответила Лина. – А если всё же берёт-ся, то этот кот точно должен быть особенным.

– Денис не кот, – заметил Митро.

– Она знает, – улыбнулась Лина.

– А что значит «не любит учить»? – спросил я о том, что зацепило меня. – Зачем я тогда к ней поеду, если она учить меня не будет?

Лина, поразмыслив с минуту, ответила:

– Ну, чему-то ты у неё точно научишься, просто...

Договорить ей не дал Митро, перебив вопросом:

– А почему к ней нельзя опаздывать? Она мегера?

Я успел заметить, как Барс подавил смешок, а Лина, отставив чашечку, сдержанно сказала:

– Некоторые считают, что да.

На этот раз Барс всё-таки прыснул в кулак. Хорошие дела.

...Оказалось, что провожать меня кот будет на своём мотобайке, внешне смахивающем на мини-субмарину, только серебристо-серую и на воздушных подушках. Даже в незаведённом состоянии выглядел он очень быстрым.

– Из больницы звонят в мотосалон, – сказал я Барсу. – «Сколько вы сегодня продали мотоциклов?» – «Пять». – «Ага. Значит, двое ещё где-то носятся».

– Это ты к чему? – улыбнувшись, спросил Барс, уже застёгивая свой шлем и протягивая мне мой.

– Вообще-то мы можем просто телепортироваться.

– Надевай. Телепортироваться мы можем, – кивнул кот. – Но, во-первых, ты можешь промазать, – он усмехнулся. – Извини. Не удержался. А во-вторых, прабабушку Лины телепортация бесит. Она говорит, это неестественно. Мой тебе совет: лучше делай то, что она говорит. И крутого из себя не строй.

– У нас говорят: «Не выпендривайся!»

– Вот и не выпендривайся. Она у нас самая сильная. И... жёсткая. Её даже президент боится. Одно могу сказать: ты точно выживешь, потому что Лину она обожает. Но легко не будет.

– После тренингов с куклами Арэйса я уже ничего не боюсь, – усмехнулся я.

– А вот это зря! – Барс оседлал мотобайк, пальцем ткнув

себе за спину – дескать, устраивайся.

Я сел у него за спиной.

– Ну, в конце концов, вряд ли одна старая кошка отметелит меня сильнее. Она же старая?

– Это тебе никак не поможет, – я почувствовал, что кот, говоря это, улыбнулся. – А, вот ещё что. Обращайся к ней только по имени. Яга.

От неожиданности я сначала замер.

– Ты шутишь?!

– Нет, – Барс обернулся и посмотрел на меня из-за защитного стекла шлема с нескрываемым недоумением. – А что не так? Это древнее имя. Очень красивое.

Древнее и красивое... Я сидел и думал, надо ли рассказать ему об особенностях одного из главных персонажей терийского фольклора, с которым у любого русского школьника ассоциируется это имя. О, а ещё помнится, русская Яга собиралась зажарить доброго молодца в печке...

Сердце заколотилось, как бешеное. Тоже мне, Денис – добрый молодец!

Не дождавшись от меня ответа, Барс сказал:

– Держись. Очень крепко.

Я послушно обхватил его за талию. Байк взревел и мне показалось, что мы пошли на взлёт на форсаже.

...Избушка Яги – а я всё ещё не был уверен, что Барс не пошутил насчёт имени – выглядела столь же мило, как и домик её внучки. Только вокруг росли не цветущие кусты,

а голубые сосны всех размеров – от высоченных, с тридцатиэтажный дом, до совсем крохотных, едва высунувшихся из земли. Стелла такие маленькие деревья всегда называла «щенками».

– Я привёз его, Яга, – услышал я голос Барса в заложенных от рёва байка ушах.

– Высаживай, – приказал нежный, будто девичий голосок.

Я сполз с котоцикла и протянул шлем Барсу. А ещё через минуту он, просто кивнув мне, умчался прочь. А я получил возможность рассмотреть мою новую наставницу.

Она напоминала прекрасную, как топ-модель, Лину лишь пронизательными, фантастически яркими изумрудными глазами. А в остальном выглядела почти неказисто, оказавшись невысокой, немного сутулой кошечкой с крохотными руками, обожжёнными усиками, при этом самой скромной серой масти. Одета она была в аккуратный, похожий на пляжный, халатик с запахом

и двумя брошками на плече в виде играющих кошачьих фигурок. Тоже мне – ведьма в кимоно.

– Здравствуйте! – выдавил я из себя.

– Дай-ка я на тебя посмотрю...

Она приблизилась, медленно обошла меня кругом, а потом недовольно объявила:

– Ты не кот!

Я ошалел настолько, что, не подумав, ляпнул:

– Вы тоже не совершенство!

Кошечка одобрительно цокнула язычком и, кивнув в сторону домика, сказала:

– Иди туда. Садись за стол.

– Да не стоит...

– Иди. Садись. За стол. Быстро! – её фантастические глаза сердито сверкнули, а тон был такой, словно следующим этапом она мне пинка отвесит.

Проверять, так ли это, я не стал, быстро двинувшись к домику.

А уже внутри, устраиваясь у стола на маленькой резной табуретке, словно сколоченной каким-то сказочным Папой Карло, я не мог отвести взгляда от невероятных глаз усевшейся напротив кошечки.

– А теперь посмотри на стол! – приказала Яга, щёлкнув пальчиками.

Я так и сделал – и прямо перед собой увидел вилку, нож и накрытое блестящей крышкой блюдо, которых ещё минуту назад там точно не было. Когда я заходил в домик, стол был пустым.

Яга молча кивнула на блюдо. Я поднял крышку и тут же уронил её обратно на тарелку, прямо в середине которой успел увидеть мокрое неподвижное тельце крохотного, тощего, плешивого и мокрого рыжего котёнка. Не похожего на жителей Верула, а такого, как наши терийские котята, какими они бывают и какими погибают от жизни на улице, если у них нет дома и любящей семьи.

Я обернулся на Ягу:

– Что это за ужас-то?

– Урок, – спокойно пояснила она.

– Мёртвый котёнок на тарелке? Вы нормальная? – я повысил голос, но кошечка этого будто не заметила, глядя на меня с какой-то жалостливой улыбкой.

Вдруг я услышал тоненькое отчётливое «миайу» прямо из-под крышки. Яга показала пальчиком на стол. Поколебавшись с минуту, я снова поднял крышку. Котёнок – сухой, живой, невредимый и упитанный – сидел на тарелке и с любопытством меня разглядывал, периодически повторяя своё «миайу».

– Он настоящий? – спросил я, обращаясь к Яге, и, не дожидаясь ответа, протянул палец к котёнку, чтобы погладить, а он тут же куснул меня за самый его кончик.

– Ты всегда такой торопыга? – поинтересовалась кошечка.

– Только когда нарываюсь, – дерзнул я.

– Болван, – уверенно объявила она, махнув на меня маленькой изящной ручкой. – Спать будешь в подвале. Вход там, – она ткнула пальчиком в угол за своим плечом. – Подъём в пять.

– Завтра? – переспросил я.

– Всегда! – усмехнулась моя новая наставница, подошла ближе, взяла со стола котёнка, который тут же забрался к ней на плечо, и направилась к прозрачной двери в противоположной от подвального входа стороне.

– У меня вопрос!

Она развернулась и внимательно посмотрела на меня, продолжая гладить спинку мурчащего котёнка.

– А в чём урок?

– Подумай. Утром расскажешь свои версии.

– Ладно, – я пока не понимал, что это за методика, в которую входят фокусы с котятами. – А еда?

– Что еда?

– Мы сегодня без ужина?

– Приготовишь – будет тебе ужин, – пожала только одним плечиком Яга, не двигая вторым, чтобы, очевидно, не потревожить котёнка.

– Дайте угадаю. А если я захочу помыться, то воду из реки натаскать?

– Ты офигительно проницателен, – усмехнулась кошечка и перед тем, как уйти за прозрачную дверь, добавила: – В пять!

Она правда сказала «офигительно»?

Глава 9

Уроки верульского

Знать бы ещё, сколько сейчас на Веруле. Наверное, вечер, раз она отправляет меня спать.

Но всё-таки что с едой?

Есть мне не хотелось, но надо же выяснить, где искать, когда захочется. Закусочных и супермаркетов по пути я не заметил.

– Хочу сосиски с кетчупом! – объявил я в пространство.

Подождал с минуту. Ничего. Как я и думал: обжор-доставки на Веруле нет.

Кстати, а вдруг это тест?

Готовить я сроду не готовил, если не считать готовкой намагичивание сока для Леры с помощью соковыжималки, заведённой по заклинанию, и разогрев заготовок на Планете Ветров, в такой же включенной заклинаниями микроволновке. Но сейчас-то у меня ничего с собой нет – ни пончика, ни котлетки. Даже если я намагичу себе технику, то еда всё равно нужна реальная. Я огляделся.

Несмотря на кажущуюся внешнюю миниатюрность, внутри домик выглядел очень просторным. Хотя складывалось впечатление, что вся площадь уместилась здесь – в гостиной. Она же, видимо, и столовая.

Обстановка простая: крепкий деревянный стол, с кото-

рого, я это только заметил, куда-то вдруг исчезли и блюдо, и столовые приборы, резные табуреточки вокруг него, три высоких шкафа вдоль одной из стен, камин...

Стоп, или это не камин?

Я подошёл к нему ближе и обнаружил, что его верхняя панель очень похожа на индукционную плиту, даже что нажимать понятно: обозначения кнопок на панели очень похожи на терийские. Или это терийцы срисовали у верульцев?

Да ну!

Я заглянул под панель. Вот тут действительно камин! Причём не электрический. С самым настоящим пеплом. Значит, дрова рядом не декорация!

Странно: зачем здесь настоящий камин, если есть электричество?

Я ещё раз осмотрелся. Так, теперь шкафы. Открыл дверцу крайнего – посуда. Самая обычная. От чашек и тарелок до котелков и сковородок. Где она её моет, интересно? Не на речке же!

В следующем шкафчике обнаружил несколько десятков одинаковых коробочек с подписями на языке, о котором я представления не имел. Я взял одну. Открыл – соль. Всего лишь соль. Во второй – что-то непонятное. Мелкая разноцветная смесь. Попробовал на язык. Горько! А вот в третьей – корица. Самая обычная корица!

Так! Если у меня будет свободное время при прохождении этого

Яга-экспресс-курса, можно будет попробовать хоть немного разобраться в этом языке, сопоставляя надписи на коробочках с узнаваемыми приправами.

В очередном открытом шкафчике были разделочные доски, ножи, половники, вилки, ложки и... крохотный умывальник с белой раковиной, серебристым хоботком и всего одним краном. Я его открыл – есть вода! Правда, холодная. Очень холодная.

Ну а еда-то где? Из чего готовить?

Завернув кран и закрыв шкафчик, я снова осмотрелся и не увидел ничего похожего на место, где могли бы храниться продукты.

«В подвале», – вдруг отчётливо прозвучал у меня в голове тоненький голосок.

От неожиданности я даже вздрогнул. Крутанулся вокруг себя – и никого не увидел. Гостиная, она же столовая, была абсолютно пуста.

«Эй, осторожно!» – на этот раз голосок прозвучал испуганно.

Я посмотрел себе под ноги... Опа! Это был тот самый зверёк, которого Яга унесла с собой. При этом он глазел на меня, как самый обычный терийский котёнок: доверчивыми и любопытными глазками. Да и выглядел обычно. Совсем не по-верульски! Я присел перед ним на корточки:

– Это ты? Ты умеешь говорить?

Котёнок молчал и по-прежнему тарашился на меня, по-

дёргивая волнистыми усиками.

– Как тебя зовут?

В ответ ни звука. Одни гляделки. Ладно.

– То есть еда в подвале? Там, где я буду спать? Там? – я показал рукой на дверь, на которую махнула мне Яга.

– Миайу! – пискнул котёнок, прямо так, как с тарелки.

– У тебя имя есть? – попробовал я снова наладить контакт, как я подумал, с питомцем Яги.

– Миайу!

Ну хоть «миайу» отвечает.

– Ладно, я буду звать тебя Пухопопик! – сказал я, выпрямляясь. – Но будь добр, всё же не бросайся мне под ноги, иначе я могу тебя не заметить и...

– Миайу!

– Это я понял!

Я решил, что пора уже посмотреть на подвал, хотя там, наверное, темно, а свечек тут я нигде не увидел. Стоп! Я же маг! Всё время об этом забываю.

Уже через минуту у меня в руках была жирная восковая свечка, зажѐг которую я, просто дунув на фитиль.

Но, когда я открыл ту самую дверь, там сразу включился свет – совсем как на Тери, с лампами, реагирующими на движение: если оно есть, они горят, если нет – выключаются. Почувствовал себя со своей свечкой полным идиотом.

А дальше шага не успел сделать, как Пухопопик пролез между моими ногами и уверенно поскакал вниз по лестнице,

задрал вверх забавный пушистый хвостик.

– Эй! – крикнул я ему, но котёнок даже не оглянулся.

Я начал спускаться следом, задув предварительно свечу.

Подвал оказался просторным и светлым помещением с разными по размеру полками для инструментов, диваном в углу со сложенными на краю в стопку двумя подушками и одеялом, широким металлическим шкафом, который, как я сразу понял, не мог быть ничем иным, кроме как холодильником.

Конечно, я его открыл и... очень удивился.

Нет, я не рассчитывал увидеть там кастрюли с килькой и пакетики с кошачьим кормом, но на стройные ряды яиц, головок сыра, творожков, груш и клубники в аккуратных картонных коробочках с углублениями, чтобы ягоды не помялись, тоже не надеялся.

А хороший у неё вкус!

Слопав один из творожков и несколько ягод клубники, я отодвинул стопку с подушками и одеялом в сторону и растянулся на диване прямо так, подсунув руки под голову. Пухопопик тут же заскочил мне на пузо со своим «миайу» и, повертевшись кругами, улёгся точно на пупке, уютно заурчав. А мне в этот момент очень сильно захотелось увидеть Леру, чтобы спросить у неё: «Что я вообще делаю в этом подвале, рассчитывая на магию странной старой кошки?» – и услышать в ответ: «Всё будет хорошо!»

Я не помню, как уснул, но проснулся от собственного

смачного чиха, обнаружив возле дивана Ягу. Она стояла прямо надо мной с пушистой на кончике соломинкой в руках, которой, очевидно, меня в носу и щекотала.

– Завтрак ты уже проспал! – невозмутимо пояснила кошка, разворачиваясь к лестнице. – У тебя пять минут на умыться. И быстро на улицу!

– И Вам доброе утро, – вздохнул я ей вслед.

Я осмотрелся в поисках Пухопопика, который вчера засыпал у меня на пузе. Но сейчас там было пусто. Котёнка нигде не было видно.

Умывальника в подвале я тоже не нашёл. Ладно, мне сойдёт и тот, что наверху.

Я поднялся по лестнице, открыл нужный шкаф, ополоснул лицо, причём мне показалось, что струя воды стала слабее, и только в этот момент подумал, что у меня нет полотенца.

Футболкой, что ли, вытираться?

«Даже не вздумай тронуть занавеску!» – раздался у меня в голове тоненький голосок.

А это мысль!

Штора на окне совсем не подходила к стереотипам о правильном жилище ведьмы. Розовенькая, с рюшками...

Яга же ведьма? Или вроде того?

Я вытер лицо занавеской и всё-таки попытался расправить её насколько смог. Получилось паршиво.

Когда вышел на улицу, Яга стояла на поляне перед до-

миком, перебирая в руках какие-то длинные полированные палки. На этот раз она была в ярко-алом коротком халатике, точно так же, как и в первый раз, напоминающем кокетливое кимоно. Но брошки у неё на плече были те же самые. Хотя я бы не удивился, что у неё их набор к каждому платью.

– Доброе утро, – повторил я.

Она глянула на меня и, ничего не ответив, вернулась к своему занятию.

– А где Пухопопик? Он в порядке?

Яга наконец отвлеклась от палок, подняла на меня глаза и вопросительно нахмурилась:

– Кто?

– Ваш котёнок.

– Мой котёнок? Мой? Откуда у меня котёнок? – усики Яги сердито дрогнули, и она откинула в сторону все палки, кроме двух. – Вообще-то ты находишься на планете котов!

– Да, но... – я осёкся.

Что это за дурдом? Вчера я совершенно точно видел здесь котёнка!

Не верульского! А сегодня он же велел мне не трогать штору.

– Никаких «но»! Тут никто не мой, не твой, ничей! Коты – свободный народ! – воинственно заявила Яга и резко замолчала, будто ожидая, что я тут же начну спорить.

Ну да, ну да, и у котов есть права.

Я молчал. Она ещё с минуту выждала, потом посмотрела

по очереди на палки у себя в руках и протянула мне одну из них.

Я взял, покрутил её в руках, не понимая, зачем она нужна. Шишки, что ли, сбивать пойдём этими палками? В этот момент Яга крутанула палку буквально на кончиках пальцев, так, что она просвистела в воздухе.

Круто. Но к чему этот фокус?

– Давай-ка для начала ты расскажешь мне, что ты понял из вчерашнего урока, – медленно сказала Яга, снова крутанув на пальцах свою палку.

Я не удержался:

– Так с котёнком это всё-таки был урок?

– Не отвлекайся, – ответила наставница.

Ладно. Я понимал, что очевидный вывод, скорее всего, будет неправильным, но всё же сказал:

– Я поспешил с выводом, что он неживой?

– Подумай ещё, – ехидно ухмыльнулась Яга.

– А был ли котёнок?

– А он был? – кошка прищурилась.

– Вы мне скажите. Или это Вы мне так намекаете, что всё не так, как кажется?

– Иногда, да, – Яга снова крутанула палку, и та просвистела ещё резче.

Как будто кошка нажимала невидимую кнопочку на палке, и та начинала вращение, но, как прибитая, не слетая с её пальчика.

Я посмотрел на палку в своей руке. Попробовал хоть как-то её крутануть. И, не удержав, вlepил себе прямо по подбородку.

К чести Яги – она не рассмеялась. Но всё же сыронизировала:

– Ещё попробуешь?

– Нет, – буркнул я. – Шапито уехало.

Она молча смотрела на меня. Я сжал палку в кулаке:

– Не сдаваться? Я должен был не сдаваться? В этом урок?

Яга приподняла бровку:

– Поясни?

– Ну, я должен был убедиться, что котёнок ещё жив, и попытаться как-то помочь ему...

Обожжённые почти до щёчек усики кошки дрогнули, но я не понял, рассмешила её моя реплика или тронула.

– Я прав?

Яга сдержанно кивнула:

– Верно. Ты забыл, что в твоих руках есть сила, и даже не попытался ничего исправить. Думаю, в этом и проблема. В твоей неготовности менять обстоятельства, просто полагаясь на них, когда тебе это удобно.

– Но я же не Бог, чтобы менять обстоятельства!

– Ты маг! Но недоделанный. Как и многие. Почему-то до вас не доходит, что мало только тянуть энергию из пространства. Так она слишком быстро иссякает. А если кончается она, сдуваешься и ты! Всё просто.

– Как телефон без пауэрбанка? – зачем-то уточнил я.

Яга поморщилась и ничего не ответила. Но, похоже, она знала, что такое телефон и пауэрбанк.

– Но слабым, конечно, и этого хватает, – неопределённо сказала кошка.

– Я, получается, сильный? Раз Вы взяли за меня?

– Нет, я просто решила, что можно и суслика научить... из соплей кисель варить.

Тут она встала в классическую фехтовальную стойку, взяв палку как шпагу, а вторую руку оставив назад. Серьёзно? Она предлагает мне драться?

На палках? Мне? Да я в жизни не бил женщин! И не буду.

Я опёрся на палку, как уставший дед, надеясь, что мой взгляд достаточно красноречиво говорит ей: драться я не буду.

– Лучше приготовься! – чересчур, на мой взгляд, ласково посоветовала Яга.

Ну уж нет! Я упрямо сжал губы. Решил, что на худой конец успею отскочить...

А в следующую секунду почувствовал, как моё плечо будто взорвалось, а я почти оглох от боли и уронил палку, едва устояв на ногах.

При этом я даже момент удара пропустил, настолько маленькая кошка оказалась проворной. И сильной, судя по последствиям.

Я, согнувшись и морщась, потёр больное плечо, не по-

нимая, как это вообще возможно? Это же просто кошка! Верульская, но – кошка! Она весит килограммов двадцать в мокрым виде!

– Подними! – скомандовала Яга, уже снова занявшая позу мушкетёра перед атакой, и показала глазами на упавшую палку.

– У меня уже есть наставник по дракам, – я снова поморщился: было чертовски больно. – И другой мне не нужен! А здесь я совсем не за этим.

– Подними! – она повысила голос.

Я наклонился и взял палку не пострадавшей рукой, пока травмированная безвольно висела, как сломанная ветка на дереве.

– Яга, я умею хорошо драться. Поверьте мне.

Она ничего на это не ответила.

– Но с Вами я драться не хочу! Вы девочка! И Вы... в возрасте! Я не бью женщин! Тем более пожилых! Зачем всё это?

– Урок, – невозмутимо сказала кошка, даже не думая менять позу, и в этот момент снова бросилась на меня со словами: – Надеюсь, ты готов!

Но нет, готов я не был. От второго её удара, в другое плечо, я уже чуть сознание не потерял. Хотя палку каким-то чудом удержал. Впрочем, теперь она была для меня абсолютно бесполезной. Ни ту, ни другую руку я даже приподнять не мог.

– Ну и где тут у Вас исцеляющий фонтан? – не удержал-

ся я от иронии, стараясь отвлечься от пульсирующей боли в обоих плечах. – Если у Вас такие методы, он должен быть!

– Никаких фонтанов у меня нет и никогда не было, – отрезала Яга, отбрасывая свою палку в сторону. – Но вон там, – она махнула рукой в сторону от домика, – озеро. А вон там, – она кивнула на вход в домик, – у крыльца, вёдра. А за домом бочка для воды.

Ну и зачем мне эта информация? Она же не предлагает мне идти таскать воду в вёдрах с отбитыми плечами?

Только я подумал об этом, кошка подмигнула мне и вкрадчиво сказала:

– Ты всё правильно понял.

– Из реки? Каждый день?

– А ты думаешь, откуда вода в кране? Я живу в лесу! Здесь нет водопровода.

Лучше бы я тогда не умывался!

– Я могу сделать так, что бочка сама собой станет полной.

И таскать ничего не придётся. Хотите?

– Не хочу, – покачала головой Яга. – Делай, что велено.

– Интересно, чему я как маг научусь, просто таская воду?

Кошка вдруг улыбнулась:

– Может, тому, что нужно беречь то, что у тебя есть. Или понимать, что ничто не падает с небес, всё надо заслужить.

А может, ничему, и нам просто нужна вода. Сам решай.

– Я решу, – надулся я.

Вот если бы она куда-то ушла, то я бы... Но уходить она,

похоже,

не собиралась.

– А лупили-то Вы меня зачем?

– А вот это точно был урок. Когда сообразишь, урок чего, я тебя похвалю, в лобик поцелую и пирожками накормлю.

– Шутите?

– Да. Но только насчёт поцелуя.

Она уселась на ступеньку крыльца, сложила ноги крестом, достала леденец на палочке и кивнула мне:

– Приступай. Воды нужно много, бочка почти пустая.

Но тут же достала ещё одну конфету и спросила:

– Хочешь?

Мне хотелось. Но из-за какого-то внутреннего чувства противоречия я сказал: «Нет!»

Она усмехнулась, словно поняла, какие эмоции меня переполняли. Настаивать не стала – просто убрала леденец обратно в кармашек своего алого кимоно.

Я сначала заглянул за дом. Там действительно стояла огромная широкая бочка. Это сколько же ходок мне нужно сделать к этому озеру?! Кстати, а оно далеко вообще? И не понимаю, зачем надрываться, если можно сделать всё гораздо проще? Если я могу одним заклинанием в момент наполнить ей хоть сотню таких бочек?

Тут я вспомнил, как к нам в школу в Сыпине приезжал известный хоккеист, миллионер, мировая звезда, который, раздав автографы, рассказал, что каждый год в мае приезжа-

ет в деревню к бабушке и лично копает землю и сажает картошку.

– Зачем? – изумились мы. – Вы же можете купить своей бабушке всю картошку планеты!

– Могу! – подтвердил хоккеист. – Но она всё равно будет сажать свою. При этом ей важно, чтобы помогал ей в этом именно я. Чтобы все соседи видели: внук её любит!

Но кому и что мы докажем здесь?

Я вернулся к входу в дом и, пытаясь не думать о боли, взял два синих ведра, сложенных одно в другое. Удалось мне это с трудом, а потом переспросил у Яги, указав на деревья:

– Туда? Там озеро?

Она насмешливо кивнула.

Каждый шаг отдавался болью – причём уже не только в плечах, но и в шее, и в позвоночнике. Надо было хотя бы защищаться, что ли...

К счастью, озеро оказалось совсем рядом. Совершенно потрясающее! Оно отражало облака, как отполированное зеркало, при этом было настолько чистым, что я видел на глубине все камешки, подрагивающие в воде растения и снующих туда-сюда рыбок.

А что, если...? Если оно волшебное?

Я отшвырнул ведра в сторону и, отыскав более-менее пологий спуск, спустился к воде. Присел на корточки, наклонился и резко засунул в неё руки по самые плечи, стараясь не нырнуть носом.

Вода была настолько ледяной, что у меня перехватило дыхание. На секунду мне показалось, что сработало, боль ушла. Но как только я выпрямился, она обрушилась на меня сильнее прежнего. Даже в ушах, кажется, зазвенело.

Что же, я должен был попробовать. Так, где вёдра?

Взяв одно из них, я снова присел, чтобы зачерпнуть воду. Это мне с чудовищным усилием удалось, но, когда я попытался вытащить полное ведро на берег, меня пронзила такая боль, что я неуклюже рухнул вместе с ним назад, вылив на себя всё ледяное содержимое, отчего снова чуть не задохнулся.

В этот момент я пожалел, что я не девчонка и не могу просто так сесть и расплакаться. В этот момент мне только этого и хотелось!

Ну что за шалопенье, как говорит Митро! Кому я так насолил, что мне на всех этапах приходится мучиться?

Как я принесу ей эту чёртову воду? С такими-то руками? Она не могла накостылять мне после, если такая умная?

Я оставил вёдра у озера, а сам решил пройтись, обнаружив в ближайшем лесочке что-то вроде утоптанной просеки.

Когда вернулся, вёдер у воды уже не было. По озеру тоже ничего похожего не плавало.

Я пошёл к домику, раздумывая, крепко ли мне перепадёт за утерю вёдер.

А там обнаружил, что вёдра стоят у крыльца, наполненные до краёв, а Яга сидит рядом на ступеньке и по-прежнему

посасывает леденец.

Увидев меня – мокрого, злого и без ведер, она с иронией спросила:

– Где ты шатался два часа? И почему я должна тебя искать?

– Потому что хорошего работника всегда трудно найти, – огрызнулся я.

Кошка усмехнулась и хрустнула леденцом во рту.

– Так-то я тебя не купаться посылала.

– Вы боль снять можете?

– А ты, – насмешка в её голосе усилилась, – можешь?

– Яга, я серьёзно.

И тут у меня прямо вырвалось:

– Хотя, что я спрашиваю, если Вы сами как сапожник без сапог!

– Сапожник?

Кошка встала со ступеньки, вытащила изо рта леденец и подошла ко мне вплотную. Она так напирала, что я даже отступил назад.

– Сапожник? – настойчиво повторила свой вопрос Яга.

– У нас на Терири так говорят, когда мастер своего дела не может то же самое сделать для себя. А у Вас усы сожжённые. Если бы у Вас был дар, если бы Вы могли, Вы бы, наверное, это исправили...

Она как-то расслабленно выдохнула, а потом спросила:

– А если я могу это исправить?

– Тогда... – я вдруг почувствовал, что она действительно это может, и немного растерялся. – Тогда почему Вы этого не делаете? Вряд ли Вам самой нравятся эти обгорелые пеньки... Простите... Хотя Вы всё равно симпатичная. Как все кошки.

Она выбросила леденец и вздохнула:

– Я живу со своими горелыми усами, чтобы помнить.

Помнить? Что? Но спросить об этом я не успел.

– Наклонись! – скомандовала кошка.

Я подчинился. Она привстала на цыпочки и погладила сначала одно моё плечо, а затем другое, словно пожалела. И вдруг... Боль реально ушла! Как будто её стёрли!

– Но как? – не удержался я. – Как Вы это сделали? Вы ведь даже заклинаний не читали!

– Заклинания – это всего лишь слова. Стоят ли они хоть что-то, зависит от того, кто их произносит, – отмахнулась кошка и достала из кармана ещё одну конфету. – Будешь?

Я покачал головой, обдумывая сказанное, и тут же спохватился, что надо сказать «спасибо». Но в следующую секунду подумал, что без Яги у меня и травм бы не было. В конце концов, она просто исправила свои косяки!

Какое-то время я пялился на неё, а она на меня и, кажется, понимала, о чём я думаю.

– А чего ждём? – наконец спросила Яга. – Вода сама себя не принесёт.

Ну, с этим я бы поспорил.

Но лишь спросил перед тем, как пойти обратно к озеру:

– Вы так и не объясните мне, почему не хотите помочь себе? Чтобы помнить? Что?

Кошка прищурилась:

– Пока ты не заслужил никаких объяснений.

Глава 10

Курс молодого котёнка

На следующее утро у меня ничего не болело. Разве что мышцы, скорее, потягивало. Как бывает после длительного перерыва от активностей на свежем воздухе. Но я снова проспал.

Яга сменила тактику побудки: вместо мягкой щекотки соломинкой потыкала палкой мне под мышки. От испуга я подскочил, как ужаленный, едва не свалившись с дивана.

– Зачем так-то? – возмутился я, скинув на пол ноги. – Я дико боюсь щекотки!

– Ну, считай это тренировкой. Так ты научишься её не бояться.

– Не научусь. Если враги будут меня щекотать, требуя секретов, я всё разболтаю.

Ягу это рассмешило. Она двинулась к лестнице, а уже оттуда с улыбкой произнесла:

– Поднимайся, юморист! Вода сама себя не наносит!

Опять? А куда делась вчерашняя? Мне сразу захотелось свернуться эмбрионом и снова уснуть.

...Я не знаю, сколько ведер воды наносил в то утро в бочку, но она снова показалась мне бездонной. Со счёта я сбился после семьдесят восьмого рейда.

А когда закончил, в награду не то, что «спасибо» не услы-

шал, даже одобрительного кивка не дождался. Яга просто встала со ступенек и молча зашла в дом.

– Что, даже автограф не поставите? В лобик не поцелуете? По холке не потреплете? – пробормотал я ей вслед.

– Пощекотать могу, – бросила она через плечо.

Правда, в домике я увидел на столе тарелку с запечённой форелью, побегами гороха и несколькими помидорками. Спрашивать, для меня ли это, я не стал. Во-первых, рыба потрясающе пахла, а я был чудовищно голоден.

Во-вторых, спрашивать оказалось некого: Яги у стола не было.

Это была самая вкусная рыба из тех, что я ел в своей жизни.

После я, кое-как сполоснув посуду, растянулся на диване в подвале и задумался: а я точно взялся за то, что мне по силам?

Каждый раз, когда я начинал сомневаться в себе, больше всего на свете мне хотелось поговорить с Лерой. Но я понимал, что этим только растравлю себе сердце, и тогда оставаться в цветных мирах будет гораздо сложнее.

«Стелла!» – мысленно позвал я бабушку.

«О! – тут же раздался её голос у меня в голове. – Ну как там твой курс молодого котёночка?»

Надо же – курс молодого котёночка! Не устаю удивляться, как ей всегда удаётся так точно передать суть происходящего.

«Пока не очень. Я тут котёнок для битья», – признался я, ожидая, что Стелла разозлится на Ягу так же, как на Арэйса.

Но вместо этого она спросила: «Тебя бьёт кошка-бабка?»

«Вроде того. Она мне вчера плечи выбила».

«Позорище... Большая? Кошка?»

«Ну так. Со среднего земного мейн-куна, если он встанет на задние лапы».

Я удивился: это вместо того, чтобы узнать, что сейчас с моими плечами?

«Тогда чему тебя всё это время учил носатый, интересно? Как раны зализывать?»

Опять она про Арэйса... Очевидно, Митро прав: что-то с ними обоими не то. Но об этом мне сейчас думать некогда.

«Стелла, она просто взяла палку, дала мне другую и предложила подраться. Я должен был врезать женщине? Старой женщине, которая ростом мне по пупок?»

«Та-а-а-к, – протянула Стелла. – И чего ты хочешь от меня?»

«Совета. Это был типа урок. Но его смысла я не понял. Я тут как суслик... во время Куликовской битвы».

«Это как?» – опешила моя бабушка.

«Чувствую, что что-то происходит, а понять ничего не могу».

В ответ – тишина.

«Стелла?» – позвал я.

«Расскажи-ка об этом уроке. По порядку. Всё, что пом-

нишь».

Просить дважды ей не пришлось – я был рад пожаловаться. Мой рассказ она слушала очень внимательно, но на упоминании о первом ударе кошки перебила:

«Стоп! А почему ты свою палку на защиту не выставил?»

«Ну... Не знаю. Я не думал, что она ударит так сильно».

Я подождал, что Стелла скажет на это, но она молчала.

Тут-то меня

и торкнуло: вот же оно!

«Стелла!» – радостно позвал я её.

«Неужели дотумкал?» – я почувствовал, как она улыбнулась.

«Да-а-а! Всё может быть не тем, чем кажется. Например, мелкий бурундук, но во-о-о-т с такими зубами...»

«Тьфу ты! Мало она тебе, суслик, врезала!» – возмутилась Стелла.

«Ладно-ладно! Шучу! – рассмеялся я. – Урок в том, что, если кого-то пожалел, надо быть готовым к последствиям. Особенно, когда не уверен, что пожалеют тебя».

Выпалив это, я замолчал, ожидая реакции Стеллы.

«Мой мальчик!» – ласково произнесла она.

Я уже обрадовался было, что это я молодец, но тут она добавила:

– Эй, не свали-и-и-и-сь!

«Чего?»

«О, а ты и мой живой голос слышишь? Странно как... Ли-

на говорила, что или то, или это... Это я не тебе. Митро тут просто к краю подкатился...»

Нормально! Я ей душу изливаю, а у неё «вторая линия» с Митро!

Но возмущаться я не стал, слишком устал для этого.

«Ладно... Как вы там?»

«Ох, Ден, это просто райское место... Можно я буду здесь жить? Вот где, ты думаешь, мы сейчас?»

Ответить я не успел. У Стеллы, очевидно, было то, что она сама называла недержанием восторга:

«На пухле!»

«На чём?» – удивился я.

«Вот, мне это словечко тоже зашло. Чудное, да? У них много чудных слов. Но я уже четыре выучила. Считай, знаю верульский, – она хихикнула и объявила: – Мы на яхте! Но они почему-то называют её пухлей. То есть это не совсем яхта. Хотя очень похожа. Но никаких парусов, якорей и всего такого. Она словно парит над водой. Не плывёт. Но очень быстро... Она... В общем, сам потом, наверное, увидишь. Если повезёт. Пухля принадлежит какому-то суперважному коту. Я так и не поняла, почему он дал нам её для поездки на Кимай. Кимай – это озеро.

Но огромное – как море. И кишит дельфинами! Здесь их называют гахай. Я уже сплавала с ними раз восемьдесят!»

Я слушал её восторженный монолог, удивляясь поначалу, потому что не помнил, чтобы Стелла вообще когда-либо

так тараторила. Но потом понял, почему она так говорлива. Счастлива. Дельфинов она всегда обожала.

«Стелла, а что там делает Митро?»

«О, он изменяет мне с Линой, – весело объявила Стелла.

Ну ещё бы!

«Хотя не только с ней. А вообще его вся команда пухли любит. Если слишком долго там провозишься, то его тут заглядят и зацелуют до потери сознания».

«Стелла...»

«Что?»

«Совет дашь?»

«Конечно! Слушай кисулю с палками».

Поддержала так поддержала.

...Когда я, прихватив из холодильника несколько кусков сыра – часть съел, пока шёл по лестнице, а часть запихнул в карманы – поднялся наверх, Яги там уже не было. Я умылся и открыл дверь во двор, в полной уверенности, что снова увижу кошку с палками. Но нет. Она – без палок – стояла перед крыльцом, щурясь на солнце, в синем бархатном халатике, опять больше похожем на кимоно,

со своими неизменными брошками и поглаживала того самого рыжего котёнка, который висел у неё на груди, вцепившись в ткань коготками, и урчал так, что слышно было на весь двор.

– Значит, котёнка у Вас нет, да? – не удержался я.

– Вон там, – свободной рукой Яга указала в сторону от до-

ма, не собираясь мне отвечать, – небольшая полянка. Очень красивая. Найди там что-нибудь живое и понаблюдай за ним. Или за ними. Как пойдёт.

– Зачем? Что я должен увидеть?

– Когда поймёшь зачем, сделаешь правильные выводы.

Жду не дождусь, когда их услышу.

– А если не пойму?

– Если не поймёшь, завтра будешь снова делать то же самое.

Я двинулся в указанном направлении.

– Но потом, перед сном, не забудь натаскать воды!

Я остолбенел. Она серьёзно? Куда она её деваает-то? Тем запасом сто пятьдесят бегемотов вымыть можно! Или даже двести!

Но уточнить не удалось: когда я обернулся, наставницы перед домом уже не было. Как и котёнка.

...Ничего «очень красивого» я, отправившись в указанном направлении, не увидел. Полянка как полянка. Сплошная трава, мелкие цветочки, отдельные кустики. За кем я тут должен наблюдать? За мухами? Только они тут и вжикают, пролетая на бешеной скорости.

Разгрёб руками траву – никого не увидел. Ни червяка, ни муравья, ни лягушки, ни букашки.

Я медленно пошёл по полянке, раздумывая, чего она от меня хочет? Как мне поможет таскание воды, удары палками и медитация на полянке? И почему она «гонит» мне

про котёнка: что его нет, если я его постоянно вижу?

И тут я вдруг чуть не снёс ногой паутину, которую между двумя толстыми стеблями прямо в этот момент плёл большой паук с красной пятнистой спинкой. Может, он сгодится? Он живой.

Я сделал шаг назад и уселся на траву по-турецки, честно пытаюсь сообразить, что я должен в этом паучьем вязании увидеть. Больше часа всматривался изо всех сил. Но видел только хаотичные скачки паука между травинками и постепенно увеличивающееся паутинное многогорье с узорами...

Ерунда какая-то!

«Пауки совершенно безопасны для человека. – Как это безопасны? А инфаркт?» – вспомнилась старая шутка.

«Митро!» – мысленно позвал я.

«Ох ты ж, разорви тебя енот! – выругался мячик в ответ. – Чего ты меня пугаешь? Занят я!»

Чем? Подставляет пузо Лине? Тогда точно дел невпроворот!

«Яга отправила меня за пауком наблюдать. Я, как идиот, уже час на него пялюсь. На его паутину. Скука жуткая», – пожаловался я.

«А я тут при чём? Я занят, с гахаями купаюсь, – заявил Митро, фыркнув. – Чем ты недоволен? Радуйся, что она не послала тебя изучать, как жуки таскают горошинки кукусииков».

«А они их таскают? И, кстати, на Веруле разве есть куку-

сики?»

Тишина в ответ.

«Митро?»

Но кроме «Кхрррррбра!», прозвучавшего, скорее, как «отстань», я больше ничего от него не услышал.

Зато полной неожиданностью стал голос подкравшейся ко мне Яги. Как, похоже, и для паука, пугливо застывшего, когда она спросила:

– Что ты видишь на этой поляне, Денис?

– Траву.

– В голове у тебя трава! – беззлобно сказала Яга. – Посмотри повнимательнее и скажи мне, что здесь?

Я молчал, не понимая, чего она хочет от меня услышать.

– Хорошо, – вздохнула кошка. – Чему тебя учили на Атласе? Где брать силы для магии?

– Вокруг. Из пространства.

Я продолжил смотреть на паука, вглядываясь в его суетливые лапки до рези в глазах.

– А если... – я повернулся в сторону Яги и обнаружил, что её уже нет рядом.

Повертел головой – я снова один на поляне. Если не считать паука и, конечно, мух. Глюки, что ли?

Ладно. Уходить от паука мне эти глюки не велели. Значит, сижу дальше.

В какой-то момент я вынужден был признаться самому себе, что паук крут. Он плёл и плёл эту свою кружевную про-

стыню, как будто у него в попке встроены вечный двигатель, а в лапках хранится бесконечный запас липкой белой жижи, из которой он и мастерит себе домики.

Стоп! Может, вот оно? Он не останавливается. Его строительный материал никогда не заканчивается. Ну, то есть он не бежит заказывать паукоцементовоз или паутиномешалку, чтобы...

«Яга!» – мысленно заорал я, спустя пять минут подбегая к домику.

«Да чтоб у тебя хвост облез! – тут же отозвалась кошка. – Что ты орёшь мне в мозг?»

Ну да, сегодня все мне рады.

«Вы где?»

– Ну вот она я! – кошка вышла из-за угла дома.

– У меня нет хвоста, так что ничего не облезет, – объявил я. – Но я, кажется, понял.

– О-о-о, – скептически протянула Яга. – Удиви меня!

– Паук! Он самодостаточен!

– И?

– Я тоже должен стать таким!

– Гениально. А чего ждёшь? – её сарказм был как холодный душ.

Я даже растерялся, не зная, что ответить. Она это, кажется, прекрасно поняла. Но сказала лишь:

– Ну, пока ты таким ещё не стал, займись делом. Бочка сама себя не наполнит. А я в лес, за травами.

– Пустырника мне захватите, ладно? А то у меня от Ваших

методов уже глаз дёргается. И хвост отваливается.

– Захватчу, – весело, как ни в чём не бывало, пообещала Яга.

Значит, опять вода. Ладно. С этим я разберусь.

...Следующим утром меня ждал сюрприз. Когда я поднялся наверх

из своего подвала, то в гостиной за столом обнаружил Барса. Они с Ягой пили молоко из тонких стаканчиков и тихо переговаривались, резко замолчав при моём появлении.

– Барс! – радостно проорал я, бросившись к коту, который сразу встал из-за стола мне навстречу. – Что ты здесь делаешь?

– Приехал за тобой, – коротко бросил Барс, приобняв меня в ответ.

Я недоверчиво посмотрел на Ягу. Но та продолжала невозмутимо пить молоко. И это выглядело так, будто в стаканчике было действительно сосредоточено нечто важное, а я так – фоновый шум.

– Яга?

Она, не поднимая глаз от стакана, махнула мне рукой. Это что, типа

«пока-пока»? Но мы же не закончили! Я не могу вот так вернуться на Атлас!

– У нас мало времени, – сказал Барс.

Было в его голосе что-то такое, что заставило меня насто-рожиться. Но я не понимал что. Ещё сильнее удивился, ко-

гда мы вышли из домика: прямо перед крыльцом был припаркован миниатюрный чёрный кулас.

– А где твой Харлей?

– Что, прости? – нахмурился Барс.

– Котобайк. Мотоцикл. Болид. А-а-а, не важно. Мы полетим на этом?

– Да, забирайся внутрь.

Только он это сказал, стенка куласа, словно приглашающе, раздвинулась.

Уже внутри я уселся в одно из двух узких кресел. Барс, зайдя следом, скользнул во второе:

– Постарайся ничего не трогать, – кивнул он на приборную панель, не глядя на меня, и начал водить руками по сенсору.

– Барс, что происходит? Яга меня выгнала?

Он промолчал, всё так же сосредоточенно глядя на панель.

– Я делал всё, что она велела!

Кот снова ничего не сказал.

А я почувствовал, как кулас начал парить над землёй. Невольно подумал, что есть во всём этом и хорошее: если меня выгонят из академии, я смогу вернуться к Лере. Впрочем, больше ничего хорошего в этом не было.

– У меня был приятель, – вдруг сказал Барс, откинувшись на спинку кресла, он по-прежнему не смотрел на меня. – С детства мечтал попасть в академию и стать магом-враче-

вателем. В твою академию. Но его не рекомендовали. Тогда он забрал один из куласов и улетел с Верула, сказав матери, что убедит Королей взять его без рекомендаций. Или найдёт другое место, где учат такой магии.

Я молчал. Барс выдержал паузу, а потом продолжил:

– Вернулся он спустя несколько лет. Сиял от самодовольства, как алюминиевое ведро. Сказал, что его учили лучшие и что теперь он может вылечить кого угодно. Не сразу, но мы ему поверили. Он ведь действительно помогал. К нему приходили с болью, а уходили без неё... А раз так, какая разница, где он этому научился? Он стал считаться у нас чуть ли не святым, потому что готов был принимать больных в любое время дня и ночи, в том числе тех, кому очень плохо. И сам начал думать, что он величайший из котов со времён Каута.

– Но? – не выдержал я.

– Но? – недоумённо переспросил кот.

– Барс, Стелла говорит так: всё, что говорится до слова «но», фигня собачья! Ты ведь не просто так рассказываешь эту притчу?

– Нет, не просто так. И это не притча, – кот наконец посмотрел на меня. – Денис, он учился у серых.

– Очуметь! – выдохнул я.

– Очуметь, – подтвердил Барс. – Особенно если учесть, что они научили его снимать боль. Только боль. Симптом. Но не причину. Поэтому тем, кого он якобы вылечил, потом

становилось намного хуже. Настоящим целителям не удалось их спасти. Никого.

– Но он разве не понимал, что навредит?

– Он так долго и часто повторял, что он маг-врачеватель, что сам поверил в это. Устроил себе собственную реальность.

– Жесть, – признал я.

– Вроде того, – согласился Барс. – Хотя мог ведь не врать и приносить пользу тем, что действительно умеет.

– Понимаю. Но какая связь у этого твоего друга со мной?

– А сам как думаешь?

Ох! Он же не о...

– Барс, только не говори, что дело в воде!

– А зачем ты вчера соврал Яге про воду? – кот не сводил с меня глаз.

– Ну на фига мне полдня таскать эти вёдра, если я магией могу за минуту наполнить эту бочку? Какая ей разница? – я поёрзал в кресле. – Она меня задолбала с этой водой.

– Значит, есть разница, если она велела сделать это руками.

– Ладно, – я поднял ладони вверх, жестом «сдаюсь». – Я сжульничал. Давай вернёмся, и я перед ней извинюсь. Натаскаю ей две бочки...

– Нет.

– Нет? Барс, я же...

– Мне интересно другое: в чём ты ещё нам наврал? – тут

он снова повернулся к панели и что-то на ней нажал, после чего я почувствовал лёгкий толчок.

Мы, кажется, сели.

– Выходи, – сказал кот.

Я услышал шелестящий звук раздвигающейся стенки куласа.

– Ты это серьёзно? – Барс не отвечал. – Из-за одного косяка?

– Выходи, – тихо повторил он.

Я разозлился. Ну и пусть тогда. На нервяке встал и, как ошпаренный, выскочил из куласа, услышав вслед то, что осознал не сразу:

– Телепортироваться отсюда не получится.

Кулас закрылся за мной и в ту же секунду начал очень быстро взлетать.

В этот момент до меня, наконец, дошёл смысл последней фразы Барса.

Я задрал голову, с отчаянием глядя, как в небе уменьшается в размерах кулас. Вот он стал точкой на горизонте. Тогда я осмотрелся и обнаружил, что стою в самом центре огромной земляной воронки, у которой не видно ни конца, ни края. Вокруг меня на километры не было ничего, кроме песка, глины и мелких камней.

«Барс! Ба-а-арс!» – я почувствовал панику.

Я не знаю, где я. Я не могу отсюда телепортироваться. У меня нет ни еды, ни воды. А друг – или тот, кого я считал

другом – не отвечает! Да что это за голодные игры?!

«Я знаю, что ты слышишь меня! Хотя бы объясни, какого чёрта происходит?»

Тишина.

«Что я должен делать?» – мысленно заорал я так, что чуть глаза из орбит не вылезли.

И вот тут он всё-таки ответил:

«Вернуться к Яге. Ногами».

Вернуться? Как? Я даже не знаю, где я и в каком направлении должен идти!

Тут он добавил:

«Денис, ты просил помочь. Я помогаю».

«Бросив меня в какой-то поганой пустыне? В этой яме размером с три Китая?»

Но ответа на этот вопль я уже не услышал.

Глава 11

Ползи, маг, ползи!

Я был настолько растерян, что какое-то время просто стоял в центре словно изрытого гигантскими граблями котлована, замерев. Да он же на несколько километров во все стороны растянут! Я только выбираться из него сутки буду!

И что значит «нельзя телепортироваться»? Почему? Тут у них «бермудский овраг», что ли? А как я тогда пойму, куда мне вообще идти? По их солнцу?

Я посмотрел вверх. Ну, конечно! Даже не знаю, что ещё добавить к своим «успехам»: всё небо пепельно-серое, как бок бегемота. Ни одного просвета. Впрочем, какая разница? Даже если солнце появится, и я соображу, как по нему ориентироваться, я же не знаю, в какой стороне находится дом Яги. Может,

до него три дня полем, два дня лесом!

А я и не соображу, как ориентироваться, потому что понятия не имею, как именно движется верульское солнце. С запада на восток или, как у нас на Тери, с востока на запад? Или вообще с севера на юг?.. А если в этом месте его вообще никогда не бывает?!

Ладно ещё Яга, думал я. Но то, что сделал Барс, у меня в голове не укладывалось. Я считал его другом, почти братом. Восхищался им как никем другим. И теперь просто

не понимал, как он мог бросить меня здесь. На что расчёт? Какая тут наука? Я тут сгину, чтобы что?

Я глянул себе под ноги. Потом наклонился и ткнул пальцами в землю. Упругая, но твёрдая, с какими-то острыми песчинками. А ещё у меня появилось ощущение тяжести. Как будто на подошвах магнитики, которыми я буквально присасываюсь к поверхности.

Я выпрямился и сделал шаг. Второй. Да, очень тяжело!
И нет,

не показалось: ноги действительно словно липнут к земле.
Хотя я никуда

не проваливаюсь. К земле! С которой у меня и на Атласе ничего не ладилось!

Но сейчас вокруг была только земля!

А магичить-то я в этом дремучем месте смогу? Попробую-ка я что-нибудь безопасное и проверенное. Так хоть пойму, я всё ещё маг или уже...

Я закрыл глаза и скороговоркой проговорил заклинание на создание столика и кресла. «Из ротанга», – зачем-то добавил я мысленно, хотя даже не знал, что такое ротанг. Но думал, что нечто особенное, потому что слышал, как о мебели из него с придыханием говорили девушки.

Когда открыл глаза, с облегчением выдохнул: у меня получились и столик, и кресло. Причём без видимых изъянов. Из толстой лакированной соломы. Серьёзно? Ротанг – это обычные лианы? Вот уж, действительно, умеем мы на Тери

дребедень распиарить!

Так, с этим разобрались. Главное, матрас с одеялом, если что, я себе добуду. Что дальше?

Попробую-ка заклинание на лёгкий ветер. Основу всех моих магий – магию ветра.

Что всё получилось, я понял не сразу. Деревьев, по кронам которых я мог бы сориентироваться, и любых других ветроуказателей в кратере не было. Поэтому, пока мне не дунуло прямо в лицо, взъерошив чёлку, моё сердце сжималось от страха, поскольку я думал, что не смогу.

Я усилил ветер – и затем радостно смотрел, как переворачиваются и катятся по песку мой столик и кресло. Песок при этом, кстати, вверх не поднимался. Сколько же он весит, что его даже ветер поднять не может? Или это притяжение его не отпускает?

Я сплёл заклинание на рассеивание: сначала ветра, а затем мебели.

Так, а как быть с водой? С ней сложнее. Её здесь вообще нет. Создать свою я могу, если немного, но пить её будет бесполезно. Ненастоящая вода жажду не утоляет. Ладно, попробую.

Я и не подозревал, как сильно пересохло у меня в горле, пока прямо под ногами не забил маленький родничок. Я присел, протянув руку к пляшущей струйке, и не почувствовал ничего. Никакой влаги! То есть вода как бы есть, вот она – я её сам вижу, но она больше похожа на иллюзию. На голо-

грамму. Очень реалистичную, но мёртвую. А мне нужна настоящая вода. Для магии, кстати, тоже. Шторм из ничего ничем и останется.

Так, ладно, а что с огнём? Я понимал, что разбазариваю силы, не думая о том, где их возьму, когда всё, что есть, профукаю на этих экспериментах. Но я должен понимать, на что могу рассчитывать! Огонь – это спасение.

Но лишь бы не получилось, как в том анекдоте: «Мы голодали и мёрзли в горах, потому что не смогли развести костёр. – Ну, это вы просто высоко забрались, кислорода не хватило. – Да? Точно кислорода? А друг, дурак, всё время ныл: «Дрова нужны, дрова нужны!»»

Я вытянул руку ладонью вверх и медленно нашептал простейшее заклинание на огненный смерч – одно из самых лёгких для меня. Но вместо аккуратно вьющегося огненного столбика получил какой-то мелкий копошащийся костёр на ладони. При этом огонь словно кто-то сжимал со всех сторон, а он бился, пытаясь закрутиться вихрем и пробить какое-то невидимое мне препятствие. Точно «бермудский котлован»!

Я тряхнул рукой, сбив свой костерок в зачатке, и с усилием сделал несколько шагов – в ту сторону, куда к краю кратера, как мне показалось, идти было ближе.

Шёл тяжело. С такой гравитацией только выбираться из этой ямы я неделю буду! Неделю, которой у меня нет. Долго ли я протяну без еды и воды?

Но идти всё равно нужно. Какой смысл здесь сидеть? А так хоть какой-то шанс.

Стоп! А если попробовать помагичить с землёй? Да, у меня с этой магией проблемы, но, в конце концов, здесь разрушать абсолютно нечего. Всё разрушено до нас. А значит, это лучший вариант полигона для опытов. Не получится – ну и фиг с ним.

Трясина. Я должен создать трясину. Я представил её себе и зажмурился.

Со стороны это, наверное, смотрелось по-дурацки. Я широко расставил ноги, прижал руки к животу, как будто боялся, что он лопнет от напряжения, и постарался все свои внутренние силы связать с нужным мне заклинанием, чеканно проговаривая каждое слово. Когда произнёс последнее и открыл глаза, то обомлел от увиденного.

Это было неожиданно, пугающе, но фантастически красиво. словно кто-то ударил огромной колотушкой по оврагу, как по мегабарабану, и весь верхний пласт земли и камешков взметнулся в воздух, да так там равномерно и замер.

Я стоял в этом застывшем и противно скрипящем земляном тумане, который образовался вместо задуманной трясины, не понимая, что мне делать дальше, и не верил до конца, что это сделал я. И вдруг понял, что не дышу.

Сразу сделал резкий выдох – и вся парящая масса песка и камней с грохотом, похожим на стучащий по крыше град, осыпалась на землю.

Хватит пока, пожалуй.

Я облизал растрескавшиеся губы и снова осмотрелся. Действительно, с одной стороны гигантской воронки край её верха кажется немного ближе. Значит, потопаю туда.

Впрочем, потопаю, сильно сказано.

Я, скорее, волочил ноги, как древний дед, преодолевая чудовищное сопротивление. Наверное, так себя чувствует тот, кто пытается бежать вверх по эскалатору, который едет вниз.

Когда через несколько часов, за которые я, по моим подсчётам, прошёл километров пять, я оглянулся, то обнаружил, что преодолел хорошо если метров семьсот. Цепочка моих следов на земле совершенно чётко указывала, откуда я начал своё восхождение. Серьёзно? Я так плетусь?

А ещё обнаружил, что подъём на деле гораздо круче, чем мне показалось снизу. Как будто стенки кратера начали сжиматься. Я то и дело сползал назад – шаг вперёд, два назад.

Тем временем резко стемнело. Но хотя бы ощутимо не похолодало.

Я посмотрел на небо. Ни одной звезды. Ни огонёчка! Ни шиша!

Когда понял, что уже не вижу верха чаши кратера – даже, что у меня под ногами, не мог уже разглядеть, то решил продолжить своё восхождение утром, а пока устроиться на ночлег. А то блудану в темноте улиткой и вернусь туда, откуда шёл, обнулив все свои титанические усилия.

Немного подумав, нужно ли мне настоящее укрытие –

с дверью, крышей и стенами, решил поберечь силы, плюнуть на всё и обойтись обычным спальным мешком. В конце концов, если тут водятся хищники и они на меня нападут, то я хотя бы так отомщу Барсу. Отморозу уши назло другу. Пусть потом живёт с осознанием, что это он меня угробил.

С этой воодушевляющей мыслью и приговаривая: «Так тебе и надо», я завернулся в намагиченный спальный мешок и, едва закрыв глаза, провалился в тревожный сон без сновидений.

Утром, хотя, кто знает, может, это был уже день, я не сразу сообразил, где я. Потянувшись до хруста в костях, всего на пару секунд почувствовал себя абсолютно счастливым – беззаботным подростком, у которого впереди прекрасный день, а из забот лишь что-то вроде не сданной контрольной, кол за поведение или подранные джинсы. Но потом реальность словно с разбега ударила меня в мозг, когда я вспомнил, что нахожусь неизвестно где – не в лучшей части Верула – и, возможно, больше никогда не увижу ни родителей, ни Стеллу, ни Землю, ни... Леру. И что мне надо идти, чтобы попасть хоть куда-то. Если, конечно, шанс куда-то пойти в принципе есть.

Я сглотнул жалкие остатки слюней в пересохшем горле, которое будто ободрали, так было больно, расстегнул спальный мешок до пупка и приподнялся оглядеть окрестности.

Вокруг не изменилось абсолютно ничего. То же серое небо. Тот же песчаный кратер... Стоп, а где мои следы?

Откуда я шёл? Земля вокруг была равномерно изрыта. Да ёлки-палки! Почему всегда так? Как любит приговаривать Стелла: только начнёшь копить на круиз, то туалетная бумага закончится, то лампочка перегорит.

Я высвободился из мешка, встал на ноги и осмотрелся.

Уффф! Вот же направление: ближний край кратера, я его вижу. Плевать на следы! Какое счастье!

Я кое-как протёр сухими кулаками глаза, с тоской оглядевшись ещё раз и не увидев ничего полезного для себя.

Пить хотелось просто чудовищно. Но хотя бы голода я не чувствовал. Видимо, желудок на обезвоживании скукожился, как использованный воздушный шарик, потеряв всякую надежду на прикорм.

Надо чесать дальше.

Но идти было гораздо тяжелее, чем вчера. Во-первых, сил стало меньше.

А во-вторых, мне казалось, что в подошвы моих кроссовок чугуна напихали. Каждый шаг давался с колоссальным напряжением. Несколько раз я неуклюже падал, а потом по несколько минут боролся с желанием так и остаться лежать носом в песок.

Жалел ли я себя в эти моменты? Сначала да. Очень. А потом, видимо, сил не осталось даже на это, и я мог только, чуть отлежавшись, кое-как двигаться, сосредоточившись на простой цели. Ха. Простой: идти туда, не знаю куда.

Но всё же я сумел поднажать: когда в какой-то момент по-

смотрел вперёд и обнаружил, что край кратера совсем близко. Ну почти. Я дошёл!

Там, почти у цели, я снова упал, но вставать уже не стал, просто пополз дальше, судорожно загребая землю и не думая, будет ли мне чем потом отмыть хотя бы руки.

Но каким же было моё потрясение, когда, добравшись до края кратера, я увидел, что сразу за ним... другой кратер. Такой же, только раза в два шире. Молодец, Денис! Ты прополз котлован размером с Китай. Вот тебе приз – ещё один, как два Китая!

Я разглядывал его, стоя на четвереньках и мечтая прямо сейчас зареветь.

А ещё заорать на кого-нибудь, затопать ногами. Но скандалить было абсолютно не с кем. Ну и зачем мне всё это нужно?

– На фи-и-и-га-а-а? – проорал я из последних сил в небо.

Но сверху мне, конечно, никто не ответил, и я просто упал на живот, уткнувшись носом в песок и больно ударившись грудной клеткой.

Не знаю, сколько я так провалялся. Но когда перевернулся на спину, даже обрадовался, что уже стемнело. Последняя мысль, которая пришла мне в голову перед тем, как я отрубился: кажется, я забыл рассеять намагиченный спальный мешок с прошлой ночёвки. Да и ладно...

...Я снова сидел на поляне и смотрел на того самого паучка, который виртуозно балансировал в воздухе и словно

рисовал между ветвями куста тончайшей кисточкой, собирая своё неповторимое кружево. Вдруг он слегка завалился на спинку и резко замер. Как будто его током ударило. Прошла минута, ещё одна, потом ещё и ещё... Паук продолжал висеть на своей паутине трупиком.

– Он умер? – спросил я, хотя никого рядом не видел.

– Нет, – услышал я голос Яги.

Огляделся. Её на поляне не было. Но голос был её!

– Тогда чего он...

Я не закончил вопроса. Потому что увидел, как в этот самый момент в паутину на скорости влетела муха, и паучок тут же подскочил, как от пружинки в бампере, и молниеносно накинул на неё клочок своего белого кружева. Выбраться из ловушки муха уже не могла.

– Ну и что в этом такого? Паук просто сидел в засаде, не шевелясь, ну и поймал муху. Обычный естественный отбор.

– Обычный. Иногда ничего не делать намного полезнее. И эффективнее.

– Чем что?

– Чем лезть на рожон. Особенно, если этот рожон касается тех, кому ты нужен. Или кому считаешь себя нужным.

– Вы о чём вообще?

– О твоих родителях. О Лере.

– Разве я рассказывал Вам о Лере? – выкрикнул я почти истерично.

– А чего ты так бурно реагируешь? Не надо волноваться.

– Вообще-то, когда женщина велит не волноваться, это значит только одно: волноваться уже поздно.

– Мудро! – хихикнула Яга. – Но тебе ведь польстило, когда ты узнал о популярности Дэнни у девочек? Как же, такой красавчик!

– Фигня! – возразил я.

– Фигня, что ты слишком часто делаешь то, чего сам не хочешь, чтобы, например, мама была довольна. Но правда в том, что, узнай она, что это не делает тебя счастливым, то расстроилась бы. Как и Лера.

– Откуда Вы... Стоп, что Вы хотите этим сказать? – нахмурился я.

– За тем, что ты делаешь, часто стоит не желание порадовать близких или помочь, а старание получить похвалу. Помнишь кукустика, которого, как ты думал, довёл до инфаркта?

– Да откуда Вы всё это знаете? – я уже начинал злиться. – Я не рассказывал Вам про кукустика! И про Леру!

– Ты и правда за него переживал? – она проигнорировала мой вопрос. – Или просто не захотел стать академиком, прикончившим безобидного грызуна?

– Конечно, волновался! Кукустики милые.

Но я сам понимал, как неубедительно это прозвучало. Но ведь милые же!

– А Митро? – вкрадчиво спросила Яга.

– Да ну Вас! Не надо мне впаривать, что я не люблю Мит-

ро! Это уже перебор!

– Любишь, – признала кошка. – Но ещё тебя штырит от осознания, что ты первым в истории приручил проводника. Ты ведь очень гордишься собой?

– Имею право, – грубо ответил я.

Потому-что, даже если она не ошибается, у неё нет права рассуждать обо мне как о самовлюблённом идиоте, который только и ждёт признания окружающих, млеет от похвал, а если заходит в помещение с зеркалом, то несётся к нему, расталкивая девушек, чтобы полюбоваться на себя, красиво-го. Ну не так же это!

Вдруг всё пропало: паучок, муха, паутина поляна, солнце.

Я огляделся. Вокруг тот же песок с буграми из камней и глины. О, нет!..

Разговор с Ягой на поляне был только сном? Или ещё хуже – глюками?

От обезвоживания и голода? Почему я снова в этом гиблом месте? Здесь же нет ничего! Откуда я возьму энергию, когда разбазарю накопленную? Из этого тягучего песка, или, вернее, из одного большого «ни фига»?

Наконец мысль, которая чуть ли не с первой минуты нахождения в котловане билась в моей голове, приобрела чёткие очертания: это проверка, действительно ли я хочу стать магом четырёх стихий. Но что бы я вообще здесь делал, если бы не хотел?

Я пополз по новому кратеру. И полз, полз, полз, пока

не потерял сознание, провалившись в спасительную темноту с желанием больше никогда не просыпаться.

– Кажется, он просыпается, – услышал я чей-то шёпот сквозь дрему.

Опять глюки, наверное.

С трудом я всё же открыл глаза – и обалдел, увидев пушистую мордочку маленького рыжего котёнка, которая была... Взволнованной?

– Как ты себя чувствуешь?

Голос шёл словно из грудки котёнка, и звучал необычно мягко. Но это был голос Яги!

– Не Миайу? – зачем-то спросил я и протянул зверьку палец. – Кусни. Пожалуйста.

Котёнок выжидающе смотрел на меня, но кусать ничего не стал. Потоптался, устроился на моей груди, свернувшись клубком, и заурчал.

Я повертел головой, насколько смог, чтобы он с меня не свалился. Так, я точно не на песке, не в кратере, а в нормальной чистой постели!

И не на диване в подвальчике. Но и не на Атласе. Это спальня Яги, что ли?

Она вошла, держа в одной руке стаканчик с чем-то белым, а в другой сложенное и, судя по идущему от него пару, мокрое полотенце. Присев на краешек, Яга поставила стакан на спинку кровати, полотенце положила мне на лоб и сказала:

– Ты не ответил.

– Что?

– Как ты себя чувствуешь?

– Так котёнок это...

Я посмотрел на то место на груди, где ещё минуту назад урчал Пухопопик, и никого не увидел.

– Это тоже Вы, что ли?

– Задай действительно важные вопросы, Денис, – с этими словами Яга потрогала сначала одну мою скулу, затем другую.

– Как я здесь оказался?

– Барс тебя привёз, – она кивнула в сторону угла, где я, повернувшись уже без опасений скинуть котёнка, увидел спящего с вытянутыми ногами Барса. – Он так и сидит тут все два дня, ни на шаг от тебя не отходит.

– Совесть заела? – не удержался я.

Но ничего себе – два дня!

– Не поняла.

– Он выкинул меня фиг знает где, а теперь расстроился, что я чуть дуба не дал?

Яга поправила полотенце у меня на голове и слегка откинулась назад, с полуулыбкой сказав:

– Тебе абсолютно ничего не угрожало. Но, если ты этого так и не понял, возможно, он вернул тебя слишком рано. Выпей напиток, – она кивнула на спинку кровати.

Тут я вспомнил, что не ел и не пил несколько дней. При-

встал на локтях, схватил стакан, залпом выпил его безвкусное содержимое, даже не поняв, что это такое. Но точно не молоко.

– Что это было? – спросил я, протянув Яге пустой стакан. Она взяла его и поставила на пол.

– Считай, витамины. Вытяни руки!

Я подчинился. И только в этот момент обнаружил, что у меня содрана половина ногтей, а тыльные стороны обеих рук все в царапинах, причём одна даже, кажется, уже гноится. Кошмарный вид. Ну, ладно, пусть лечит.

Яга взяла мои ладони в свои и слегка потёрла, что-то коротко шепнув себе под нос.

И вдруг я снова оказался там! Только не внутри кратера, а над ним! Вернее, над ними: словно с облаков смотрел на поверхность, изрытую гигантскими котлованами, которым не было числа!

– Офигеть! Я же не...

Договорить я не успел, неожиданно для себя снова оказавшись в кровати в доме Яги, при этом она уже сосредоточенно смазывала мои руки какой-то липкой серой жижей.

– Зачем Вы мне это показали? – спросил я кошку. – Кратеры?

– Он объяснит, – Яга кивнула на кресло со всё ещё сопящим Барсом и, подняв стакан с пола, двинулась к двери.

Но перед тем, как выйти, обернулась и приказным тоном сказала:

– Не смей стирать с кожи бальзам!

Когда она ушла, я попытался устроиться на кровати так, чтобы видеть Барса и не пропустить момент, когда он проснётся. Удобно лечь не удавалось, учитывая, что обтирать руки об одеяло мне запретили. Поэтому я кое-как сел, облокотившись спиной о стену.

Будить Барса я не стал. Но он, похоже, лишь притворялся спящим. Потому что в какой-то момент, не открывая глаз, пробормотал:

– Не испепеляй меня!

– Вставай тогда! – потребовал я. – Есть разговор.

Кот потянулся, открыл глаза и встал с кресла, а затем придвинул его поближе к кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.